

Edward
Napp

Чистый
Nonsense

Перевод с английского
Бориса Архипцева

Эдвард Лир

Чистый nonsense (сборник)

«Геликон Плюс»

1912, 1992, 2001

УДК 84.161.1
ББК 84(Рос=Рус)6

Лир Э.

Чистый nonsense (сборник) / Э. Лир — «Геликон Плюс», 1912, 1992, 2001

ISBN 978-5-00098-052-1

Настоящее издание – явление удивительное, даже уникальное, во многих аспектах. Полное собрание сочинений. Автор – Эдвард Лир (1812–1888), знаменитый английский поэт и художник XIX века. Основоположник поэзии нонсенса. Отец литературного лимерика. Переводчик – Борис Архипцев, совершивший своего рода творческий подвиг, отдав работе над книгой без малого четверть века. Значительная часть текстов переведена на русский впервые. Всё, переведённое заново, выводит отечественные интерпретации Э. Лира на новый, прежде недостижимый уровень. Переводы Архипцева (ему же принадлежат и все прочие русские материалы в книге – предисловие, комментарии и т. д.) отличает редкостный сплав точности, верности автору, его замыслу и воле, с поразительной свободой изложения, лёгкостью и изяществом слога. Книга двуязычна: переводы сопровождаются авторскими текстами на языке оригинала и собственными иллюстрациями Эдварда Лира.

УДК 84.161.1
ББК 84(Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00098-052-1

© Лир Э., 1912, 1992, 2001
© Геликон Плюс, 1912, 1992, 2001

Содержание

От переводчика	6
Something Like a Preface to The Book of Nonsense	8
Нечто вроде предисловия к «Книге нонсенса»	10
Lear's Introduction to an Expanded Edition of The Book of Nonsense	12
Авторское предисловие к расширенному изданию «Книги нонсенса»	14
A Book of Nonsense, 1846	18
Конец ознакомительного фрагмента.	74

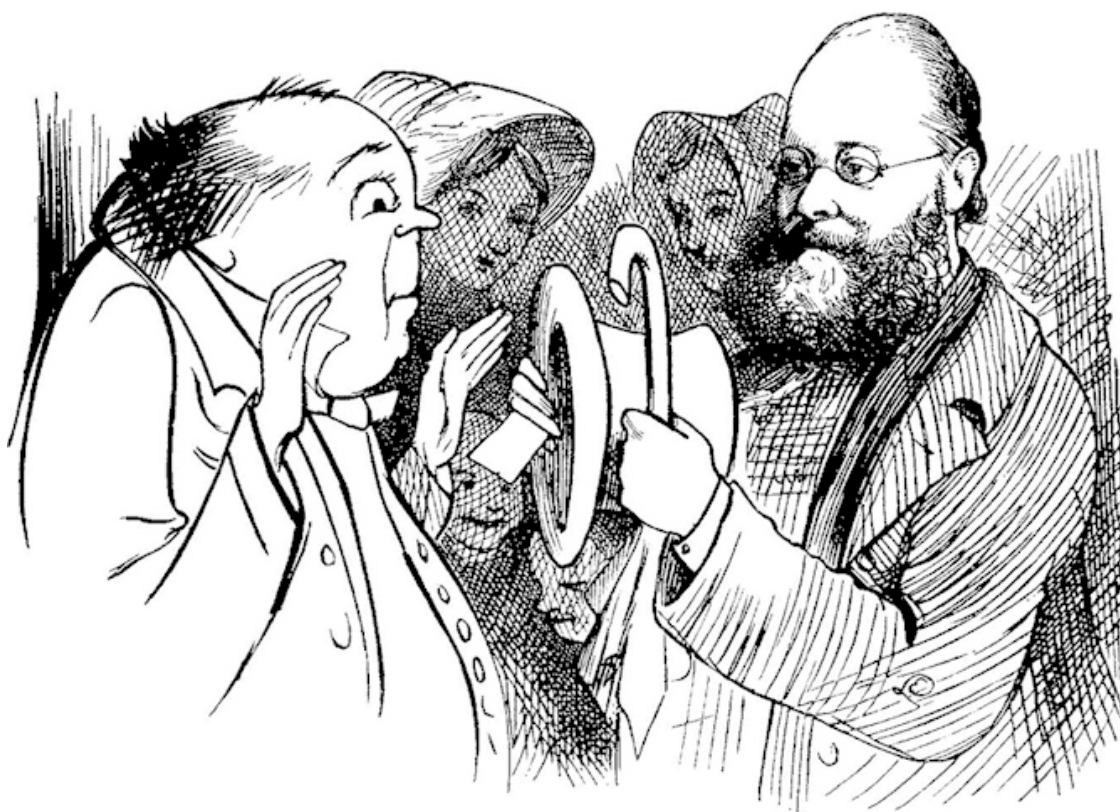
Эдвард Лир Чистый nonsense

Перевод сделан по изданиям: *The Complete Nonsense Book by Edward Lear*, N. Y.: Dodd, Mead & Company, 1912; *The Nonsense Verse of Edward Lear*, London: Mandarin Paperbacks, 1992; *Edward Lear. The Complete Verse and Other Nonsense*, London: Penguin Books, 2001.

© Архипцев Б. В., перевод, предисловие, послесловие, комментарии, составление, 2016

© «Геликон Плюс», макет, 2016

* * *

Lear showing a doubting stranger his name on his hat to prove that Edward Lear was a man and not merely a name.

Drawn by Himself.

Лир, показывающий недоверчивому незнакомцу своё имя на шляпе в доказательство того, что он реальный человек, а не просто имя.

Авторский рисунок.

От переводчика

Предвидя, что некоторых взыскательных читателей могут смутить, озадачить, покоробить, а возможно, и обескуражить словесные диковинки вроде *аккурайдо* или *гневицца*, раз-

бросанные там и сям по страницам книги, хотел бы начистоту объясниться с ними. Проще всего, разумеется, заподозрить и обвинить переводчика в недостаточно твердом владении родным языком или в излишне вольном обращении с ним. Однако отнюдь не исключены и иные варианты-объяснения, не правда ли? Например, все это может быть сделано вполне осознанно, причем по нескольким причинам сразу.

По порядку. Это могло быть устроено, подстроено, содеяно, во-первых, просто для улыбки. Во-вторых, ради особо точной, звонкой, прямо-таки звенящей рифмы, весьма желательной в лимерике. Третье. Сам автор, Эдвард Лир, вряд ли возражал бы против такого, ибо сам был большим шутником, озорником, любителем веселой языковой игры: придуманные им забавные словечки вроде *scroobious*, *ombliferous* или *borascible* вот уже почти два столетия не дают покоя лингвистам, знатокам и рядовым носителям английского языка – никто так доселе и не прознал, что же они, черт побери, в действительности означают! Нередко он (Лир) упрощал затейливую английскую орфографию (это когда, помните, пишут *Манчестер*, а читают *Ливерпуль*), добиваясь не только звукового, но и графического подобия рифмуемых слов, например, записывал *охру* (*ochre*) как *oker* для большего совпадения с *покер* (*kocherga*), а *ocean* как *otion* – мотив неясен, сознательно нарушал родную грамматику, употреблял просторечия (*O law* вместо *O Lord*, *It ain't* вместо *It isn't*, *a-telling* вместо *telling*) и т. д. А уж каламбуристом был таким, что еще поискать: друга своего Фортескью (*Fortescue*) именовал в письмах не иначе как *40scue*, немцев делил на *Ger-man*, *Ger-woman* and *Ger-children*, а нарциссы (*daffodillies*) однажды взял да и назвал *daffy-down-dillies* – типа *нариц-вниз-сы*!

Ну и наконец, четвертое и основное. Никто не возбраняет и ничто не мешает любому «несогласному» читателю корректировать текст сообразно своим вкусам и представлениям, заменяя при чтении раздражающие слова более привычными, традиционными, напрашивающимися: небольшое творческое усилие – и вычурное *аккурайдо* превратится в нормальное (хотя и чуть скучноватое, быть может) наречие *аккуратно*, *жизнирадисто* – в *жизнерадостно*, *хоулда* – в *холода* и т. д. Такие же слова, как *злоключиться* или *ненасытный*, являющиеся формально неологизмами, на мой взгляд, просто обязаны наличествовать в языке – коль скоро имеются *злоключение*, *приключиться*, *ненасытный*, и в то же время совсем недавно еще не было ни *влюбленности*, ни *промышленности*, ни даже *летчика* (зато был *летун*). При этом еще затевается забавная интерактивная игра, а читатели становятся своего рода соавторами переводчика! Как там говаривал Юлий Цезарь... Заинтриговал? Увлёк? Убедил?

Б. В. Архипцев

Something Like a Preface to The Book of Nonsense (From the private letters of Edward Lear)

MY DEAR F. I want to send you, before leaving England, a note or two as to the various publications I have uttered, bad and good, and of all sorts, also their dates, that so you might be able to screw them into a beautiful memoir of me in case I leave my bones at Palmyra or elsewhere. Leastwise, if a man does anything all through life with a deal of bother, and likewise of some benefit to others, the details of such bother and benefit may as well be known accurately as the contrary.

Born in 1812 (12th May), I began to draw, for bread and cheese, about 1827, but only did uncommon queer shop-sketches selling them for prices varying from ninepence to four shillings: colouring prints, screens, fans; awhile making morbid disease drawings, for hospitals and certain doctors of physic.

In 1831, through Mrs. Wentworth, I became employed at the Zoological Society, and, in 1832, published *The Family of the Psittacidae*, the first complete volume of coloured drawings of birds on so large a scale published in England, as far as I know unless Audubon's were previously engraved. J. Gould's *Indian Pheasants* were commenced at the same time, and after a little while he employed me to draw many of his birds of Europe, while I assisted Mrs. Gould in all her drawings of foregrounds, as may be seen in a moment by any one who will glance at my drawings in G.'s European birds and the Toucans.

From 1832 to 1836, when my health failed a good deal, I drew much at the Earl of Derby's; and a series of my drawings was published by Dr. Gray of the British Museum a book now rare. I also lithographed many various detached subjects, and a large series of Testudinata for Mr. (now Professor) Bell; and I made drawings for Bell's *British Mammalia*, and for two or more volumes of the *Naturalist's Library* for the editor, Sir W. Jardine, those volumes being the Parrots, and, I think, the Monkeys, and some Cats.

In 1835 or 36, being in Ireland and the Lakes, I leaned more and more to landscape, and when in 1837 it was found that my health was more affected by the climate month by month, I went abroad, wintering in Rome till 1841, when I came to England and published a volume of lithographs called *Rome and its Environs*. Returning to Rome, I visited Sicily and much of the South of Italy, and continued to make chalk drawings, though in 1840 I had painted my two first oil-paintings. I also gave lessons in drawing at Rome and was able to make a very comfortable living.

In 1845 I came again to England, and in 1846 gave Queen Victoria some lessons, through Her Majesty's having seen a work I published in that year on the Abruzzi, and another on the Roman States.

In 1847 I went through all Southern Calabria, and again went round Sicily, and in 1848 left Rome entirely.

I travelled then to Malta, Greece, Constantinople, and the Ionian Islands; and to Mount Sinai and Greece a second time in 1849, returning to England in that year.

All 1850 I gave up to improving myself in figure drawing, and I continued to paint oil-paintings till 1853, having published in the meantime, in 1849 and 1852, two volumes entitled *Journals of a Landscape Painter*, in Albania and Calabria.

The first edition of the *Book of Nonsense* was published in 1846, lithographed by tracing-paper.

In 1854 I went to Egypt and Switzerland, and in 1855 to Corfu, where I remained the winters of 1856-57-58, visiting Athos, and, later, Jerusalem and Syria. In the autumn of 1858 I returned to England, and 59 and 60 winters were passed in Rome.

1861, I remained all the winter in England, and painted the Cedars of Lebanon and Masada, going, after my sister's death in March, 1861, to Italy. The two following winters 62 and 63 were passed at Corfu, and in the end of the latter year I published *Views in the Ionian Islands*.

In 1862 a second edition of the *Book of Nonsense*, much enlarged, was published, and is now in its sixteenth thousand.

O bother!

Yours affectionately
EDWARD LEAR.

Нечто вроде предисловия к «Книге нонсенса» (Из частного письма Эдварда Лира)

Мой дорогой Ф., хочу послать вам, прежде чем покинуть Англию, пару заметок, касающихся различных публикаций, осуществлённых мною, плохих, хороших и всяких прочих, а также дат этих публикаций, дабы вы могли украсить ими мою биографию, сложи я косточки в Пальмире или где бы то ни было ещё. Во всяком случае, если человек на протяжении всей жизни трудится над чем-то с большим усердием, а также с некоторой пользой для других, то детали такого усердия, равно как и подобной пользы, могут заслуживать определённого внимания, как, впрочем, и наоборот.

Родившись в 1812 году (12 мая), рисовать я начал, хлеба и сыра насущного ради, около 1827 года, но малевал только какие-то странные картинки для лавок, сбывая их по цене от девяти пенсов до четырех шиллингов; раскрашивал эстампы, ширмы, веера, временами делая зарисовки патологических больных для больниц и практикующих врачей.

В 1831 году, попечением миссис Вентворт, я получил работу в Зоологическом обществе и в 1832-м опубликовал «Семейство попугаевых», первый, насколько мне известно, полный альбом цветных рисунков птиц такого масштаба, изданный в Англии, если только Одюбон не был гравирован ранее. Тогда же Дж. Гоулд начал издавать «Индийских фазанов», а некоторое время спустя он заказал мне множество рисунков для своих «Птиц Европы»; одновременно я помогал миссис Гоулд рисовать все передние планы, в чём всякий легко убедится, едва взглянув на мои рисунки в гоулдовских изданиях «Птиц Европы» и «Туканов».

С 1832 по 1836 год, когда моё здоровье сильно пошатнулось, я много рисовал в поместье у графа Дерби, и серия моих рисунков была опубликована доктором Греем из Британского музея, книга эта сейчас раритет. Я также выполнил много литографий отдельных объектов и большую серию «Черепях» для мистера (ныне профессора) Белла, делал рисунки для его «Млекопитающих Британии» и для двух или более томов «Библиотеки натуралиста» издателя сэра У. Джардина, это были тома «Попугаев», кажется, «Обезьян» и частично «Кошек».

В 1835 или 36 году, обретаясь в Ирландии и на Озёрах, я почувствовал сильную тягу к пейзажу, и когда в 1837 году выяснилось, что здоровье моё с каждым месяцем подвергается всё большему влиянию климата, я уехал за границу и проводил зимы в Риме вплоть до 1841 года, когда я приехал в Англию, опубликовав альбом литографий под названием «Рим и его окрестности». По возвращении в Рим я посетил Сицилию и объездил большую часть Юга Италии, продолжая делать рисунки мелом, а в 1840 году написал две первые картины маслом. В Риме я также давал уроки рисования, что позволяло мне вести безбедное существование.

В 1845 году я вернулся в Англию и в 1846-м дал несколько уроков королеве Виктории; Её Величество видела мои зарисовки, сделанные в Абруцци и других итальянских королевствах и опубликованные ранее в том же году.

В 1847 году я обошёл всю Южную Калабрию и вновь исколесил Сицилию, а в 1848-м покинул Рим окончательно.

Затем я ездил на Мальту, в Грецию, Константинополь и на Ионические острова, а в 1849 году – на гору Синай и повторно в Грецию, в том же году вернувшись в Англию.

Весь 1850 год я посвятил совершенствованию в технике рисования человеческих фигур и продолжал писать маслом вплоть до 1853 года, издав тем временем, в 1849 и 1852 годах, два альбома, озаглавленные «Журнал ландшафтного художника (Албания и Калабрия)».

Первое издание «Книги Нонсенса», с литографиями с кальки, увидело свет в 1846 году.

В 1854 году я отправился в Египет и Швейцарию, а в 1855-м – на Корфу, где и провёл зимы 1856, 57 и 58 годов, посетив Афон, а затем Иерусалим и Сирию. Осенью 1858 года я вернулся в Англию, проведя зимы 59 и 60-го в Риме.

Всю зиму 1861 года я оставался в Англии и писал кедры Ливана и Масады, уехав, после смерти моей сестры в марте 1861 года, в Италию. Две следующие зимы, 62 и 63 годов, были проведены на Корфу, и в конце последнего года опубликованы «Виды Ионических островов».

В 1862 году вышло второе издание «Книги Нонсенса», значительно расширенное, и тираж близок к шестнадцати тысячам.

О зануда!

*Ваш любящий
Эдвард Лир.*

Lear's Introduction to an Expanded Edition of The Book of Nonsense

In offering this little book – the third of its kind – to the public, I am glad to take the opportunity of recording the pleasure I have received at the appreciation its predecessors have met with, as attested by their wide circulation, and by the universally kind notices of them from the Press. To have been the means of administering innocent mirth to thousands, may surely be a just motive for satisfaction, and an excuse for grateful expression.

At the same time, I am desirous of adding a few words as to the history of the two previously published volumes, and more particularly of the first or original *Book of Nonsense*, relating to which many absurd reports have crept into circulation, such as that it was the composition of the late Lord Brougham, the late Earl of Derby, etc.; that the rhymes and pictures are by different persons; or that the whole have a symbolical meaning, etc.; whereas, every one of the Rhymes was composed by myself, and every one of the Illustrations drawn by my own hand at the time the verses were made. Moreover, in no portion of these Nonsense drawings have I ever allowed any caricature of private or public persons to appear, and throughout, more care than might be supposed has been given to make the subjects incapable of misinterpretation: *Nonsense*, pure and absolute, having been my aim throughout.

As for the persistently absurd report of the late Earl of Derby being the author of the *First Book of Nonsense*, I may relate an incident which occurred to me four summers ago, the first that gave me any insight into the origin of the rumor.

I was on my way from London to Guildford, in a railway carriage, containing, besides myself, one passenger, an elderly gentleman: presently, however, two ladies entered, accompanied by two little boys. These, who had just had a copy of the *Book of Nonsense* given them, were loud in their delight, and by degrees infected the whole party with their mirth.

"How grateful," said the old gentleman to the two ladies, "all children, and parents too, ought to be to the statesman who has given his time to composing that charming book!"

(The ladies looked puzzled, as indeed was I, the author.)

"Do you not know who is the writer of it?" asked the gentleman.

"The name is *Edward Lear*," said one of the ladies.

"Ah!" said the first speaker, "so it is printed; but that is only a whim of the real author, the Earl of Derby. *Edward* is his Christian name, and, as you may see, *LEAR* is only *EARL* transposed."

"But," said the lady, doubtingly, "here is a dedication to the great-grandchildren, grand-nephews, and grand-nieces of Edward, thirteenth Earl of Derby, by the author, Edward Lear."

"That," replied the other, "is simply a piece of mystification; I am in a position to know that the whole book was composed and illustrated by Lord Derby himself. In fact, there is no such a person at all as Edward Lear."

"Yet," said the other lady, "some friends of mine tell me they know Mr. Lear."

"Quite a mistake! completely a mistake!" said the old gentleman, becoming rather angry at the contradiction; "I am well aware of what I am saying: I can inform you, no such a person as *Edward Lear* exists!"

Hitherto I had kept silence; but as my hat was, as well as my handkerchief and stick, largely marked inside with my name, and as I happened to have in my pocket several letters addressed to me, the temptation was too great to resist; so, flashing all these articles at once on my would-be extinguisher's attention, I speedily reduced him to silence.

Long years ago, in days when much of my time was passed in a country house, where children and mirth abounded, the lines beginning, "There was an old man of Tobago," were suggested to me by a valued friend, as a form of verse lending itself to limitless variety for rhymes and pictures; and

thenceforth the greater part of the original drawings and verses for the first *Book of Nonsense* were struck off with a pen, no assistance ever having been given me in any way but that of uproarious delight and welcome at the appearance of every new absurdity.

Most of these Drawings and Rhymes were transferred to lithographic stones in the year 1846, and were then first published by Mr. Thomas McLean, of the Haymarket. But that edition having been soon exhausted, and the call for the *Book of Nonsense* continuing, I added a considerable number of subjects to those previously-published.

EDWARD LEAR.
VILLA EMILY, SAN REMO,
August, 1871.

Авторское предисловие к расширенному изданию «Книги нонсенса»

Предлагая публике эту книжицу, третью в своём роде, я рад возможности засвидетельствовать удовольствие, испытанное мною от высокой оценки двух её предшественниц, получивших широкое распространение, а также удивительно благосклонные отзывы прессы. Быть источником чистой радости для тысяч – это ли не повод для внутренней удовлетворённости и не оправдание для внешнего выражения благодарности.

Вместе с тем я желал бы добавить несколько слов относительно истории двух ранее опубликованных книжек, и в особенности – первой, или оригинальной, «Книги Нонсенса», которая породила немало абсурдных домыслов, вроде того, что она сочинена покойным лордом Брозэмом, покойным же графом Дерби, etc.; что стишки и картинки созданы разными людьми, или что всё это в целом имеет некое символическое значение, etc.; тогда как каждый стишок сочинил я и каждая из иллюстраций нарисована мною собственноручно – причём одновременно с сочинением стихов. Более того, ни в одном из этих бессмысленных рисунков не позволил я себе ни малейшего намёка ни на одно частное или общественное лицо, напротив, всячески старался не допустить превратного их истолкования: Нонсенс, чистый и абсолютный, являлся моей единственной целью.

Что касается упорно-абсурдных сплетен, приписывающих авторство первой «Книги Нонсенса» покойному графу Дерби, то я могу припомнить случай, произошедший со мною четыре года назад, когда я впервые осознал подоплёку всех этих слухов.

Я следовал из Лондона в Гилдфорд по железной дороге, и в вагоне, кроме меня, был один пассажир, пожилой джентльмен; вскоре, однако, вошли две дамы, сопровождаемые двумя маленькими мальчиками. Эти последние, вертевшие в руках только что полученный ими экземпляр «Книги Нонсенса», бурно выражали свой восторг и постепенно заразили весельем и всю компанию.

«Как же благодарны, – сказал пожилой джентльмен, адресуясь к обеим леди, – все дети, и родители тоже, должны быть государственному мужу, который потратил своё время на сочинение сей прелестной книжки!»

(Леди выглядели озадаченными, а я, автор, – и того более).

«Неужели вы не знаете, кто её написал?» – спросил джентльмен.

«Да вот же имя – «Эдвард Лир», – сказала одна леди.

«Ах! – сказал первый собеседник, – так только напечатано, но это всего лишь прихоть подлинного автора, графа Дерби. «Эдвард» – его имя, а LEAR (Лир), как вы видите, это тот же EARL (Граф), только с переставленными буквами».

«Но, – заметила леди несколько неуверенно, – здесь и посвящение имеется – правнукам, внучатым племянникам и племянницам Эдварда, тринадцатого графа Дерби, от автора – Эдварда Лира».

«Всего лишь, – парировал тот, – ловкая мистификация; уж я-то знаю, что вся книга сочинена и проиллюстрирована лордом Дерби самолично. А такого человека, как Эдвард Лир, вообще нет».

«Да, – сказала другая леди, – но некоторые мои друзья утверждают, что знакомы с мистером Лиром».

«Заблуждение! Полное заблуждение! – воскликнул пожилой джентльмен, раздражаясь от того, что ему противоречат. – Я знаю, о чём говорю, заверяю вас, никакого такого «Эдварда Лира» не существует!»

До сего момента я молчал, но поскольку подкладку моей шляпы, а также носовой платок и трость, украшало моё имя, а в кармане по случаю имелось несколько адресованных

мне писем, то искушение было слишком велико, чтобы ему противостоять; и вот, обрушив на моего «отрицателя» целый ворох доказательств собственного существования, я быстро заставил пустослова прикусить язык.

Много лет назад, в те дни, когда жизнь моя протекала в основном под крышей некоего сельского дома, полного детей и веселья, один высокочтимый друг предложил мне стишок, начинающийся строкой «Был один старичок из Тобаго», в качестве стихотворного образца, открывающего безграничный простор для фантазии в изобретении стишков и картинок, и с тех пор большая часть оригинальных рисунков и стихов для первой «Книги Нонсенса» стекла с моего пера, без малейшей посторонней помощи, но при шумных проявлениях восторга и радости от появления каждой новой бессмыслицы.

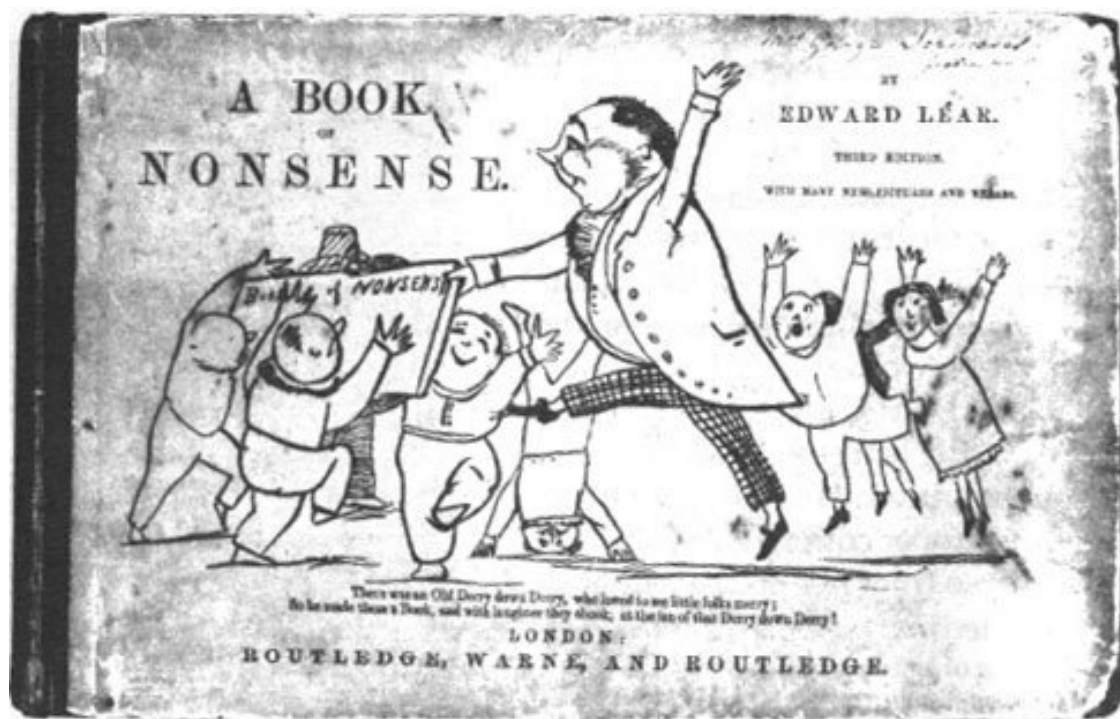
Большинство из этих рисунков и стишков были приведены в первом издании в 1846 году. Но так как оно быстро разошлось, а призывы продолжать «Книгу Нонсенса» всё не стихают, то я в данной книге и продолжил, добавив изрядное число стишков и картинок к ранее опубликованным.

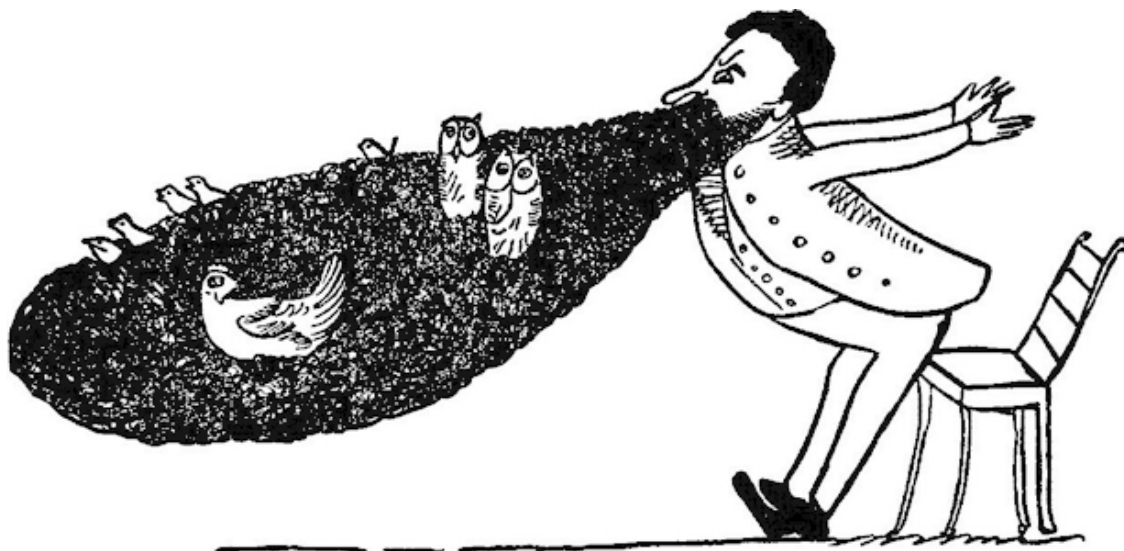
*Эдвард Лир
Вилла Эмили, Сан-Ремо
Август 1871 года.*

A Book of Nonsense, 1846 Книга Нонсенса, 1846

*There was an Old Derry down Derry,
Who loved to see little folks merry;
So he made them a book,
And with laughter they shook
At the fun of that Derry down Derry.*

*Обожал старый Дерри из Дерри,
Чтобы радостно дети галдерри;
Он им книжку принёс,
И смешил их до слёз
Уморительный Дерри из Дерри.*

There was an Old Man with a beard,
Who said, 'It is just as I feared!
Two Owls and a Hen,
Four Larks and a Wren,
Have all built their nests in my beard!

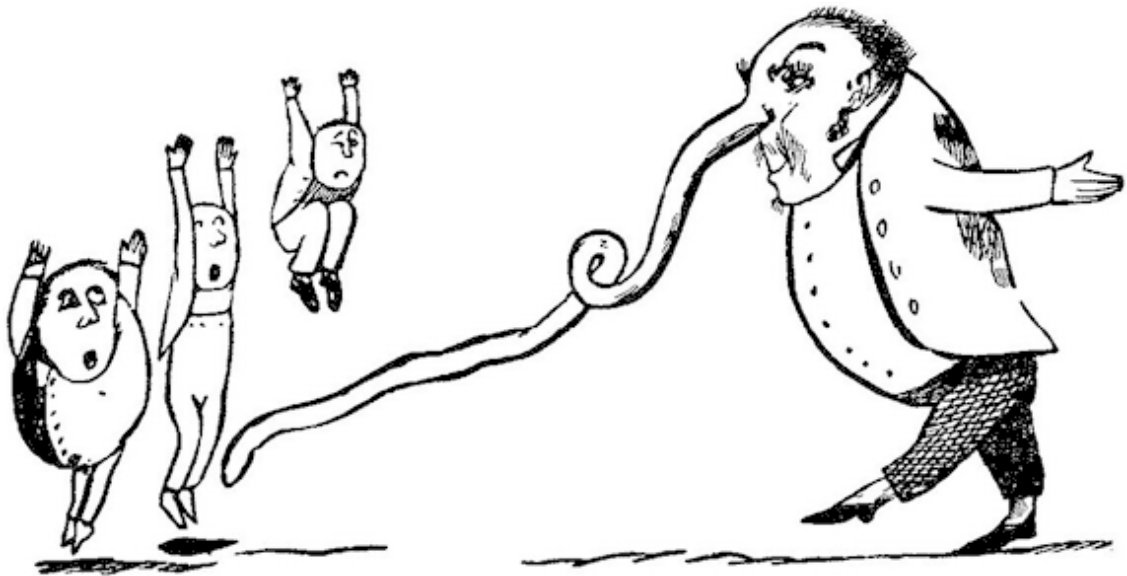
Был один старичок в бороде,
Он сказал: «Так и знал, быть беде!
Две совы и несушка,
Корольки и кукушка
Угнездились в моей бороде!»

There was a Young Lady of Ryde,
Whose shoe-strings were seldom untied;
She purchased some clogs,

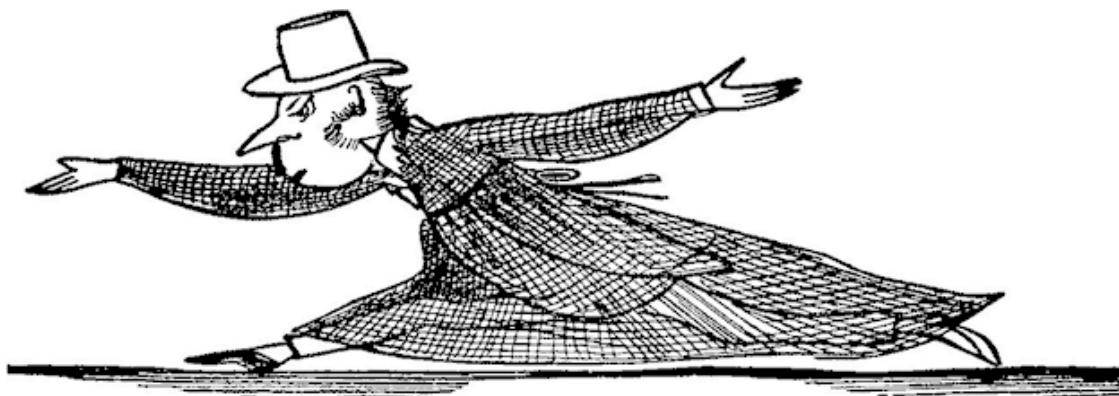
And some small spotty Dogs,
And frequently walked about Ryde.

Клоги юная леди из Райда
Шнуровала весьма аккурайдо
И, купив не за так
Мелких пёстрых собак,
Всё гуляла по улицам Райда.

There was an Old Man with a nose,
Who said, 'If you choose to suppose
That my nose is too long,
You are certainly wrong!
That remarkable Man with a nose.

Был старик с выдающимся носом.
«Коли вы зададитесь вопросом,
Не велик ли мой нос, —
Это ложный вопрос!» —
Молвил старец с отвесистым носом.

There was an Old Man on a hill,
Who seldom, if ever, stood still;
He ran up and down,
In his Grandmother's gown,
Which adorned that Old Man on a hill.

На холме был подвижный старик,
Он спокойно стоять не привык;
Вверх и вниз всё резвей
В платье бабки своей
Прихорошенный бегал старик.

There was a Young Lady whose bonnet
Came untied when the birds sate upon it;
But she said, 'I don't care!
All the birds in the air

Are welcome to sit on my bonnet!

У девицы все ленты на шляпке
Растрепали пернатые лапки;
Но она не гневица:
«Ведь сама этих птиц я
Посидеть приглашала на шляпке!»

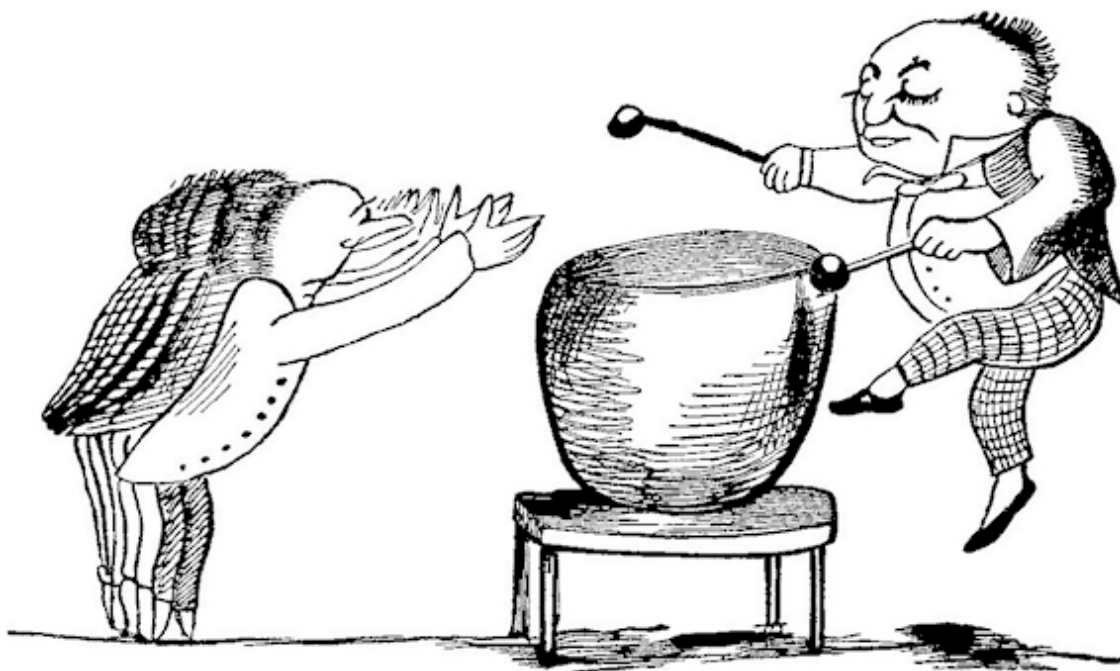
There was a Young Person of Smyrna,
Whose Grandmother threatened to burn her;
But she seized on the Cat,
And said, 'Granny, burn that!
You incongruous Old Woman of Smyrna!

Внучку юную бабка из Смирны
Сжечь дотла угрожала настырно;
Та схватила кота
И отверзла уста:
«Жги его, старушонка из Смирны!»

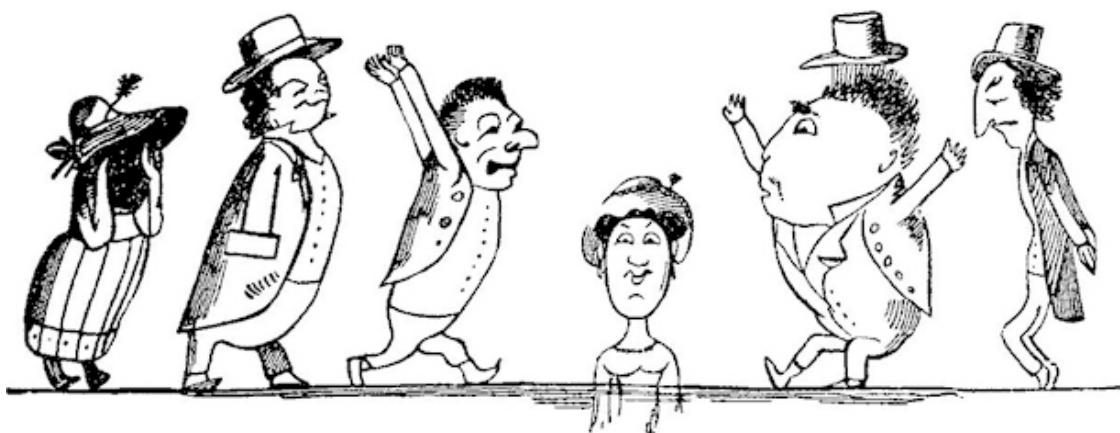
There was an Old Person of Chili,
Whose conduct was painful and silly;
He sate on the stairs,
Eating apples and pears,
That imprudent Old Person of Chili.

Странноватого старца из Чили
В поведеньи дурном уличили;
На ступенях сидел он,
Груши-яблоки ел он,
Опрометчивый старец из Чили.

There was an Old Man with a gong,
Who bumped at it all the day long;
But they called out, 'O law!
You're a horrid old bore!
So they smashed that Old Man with a gong.

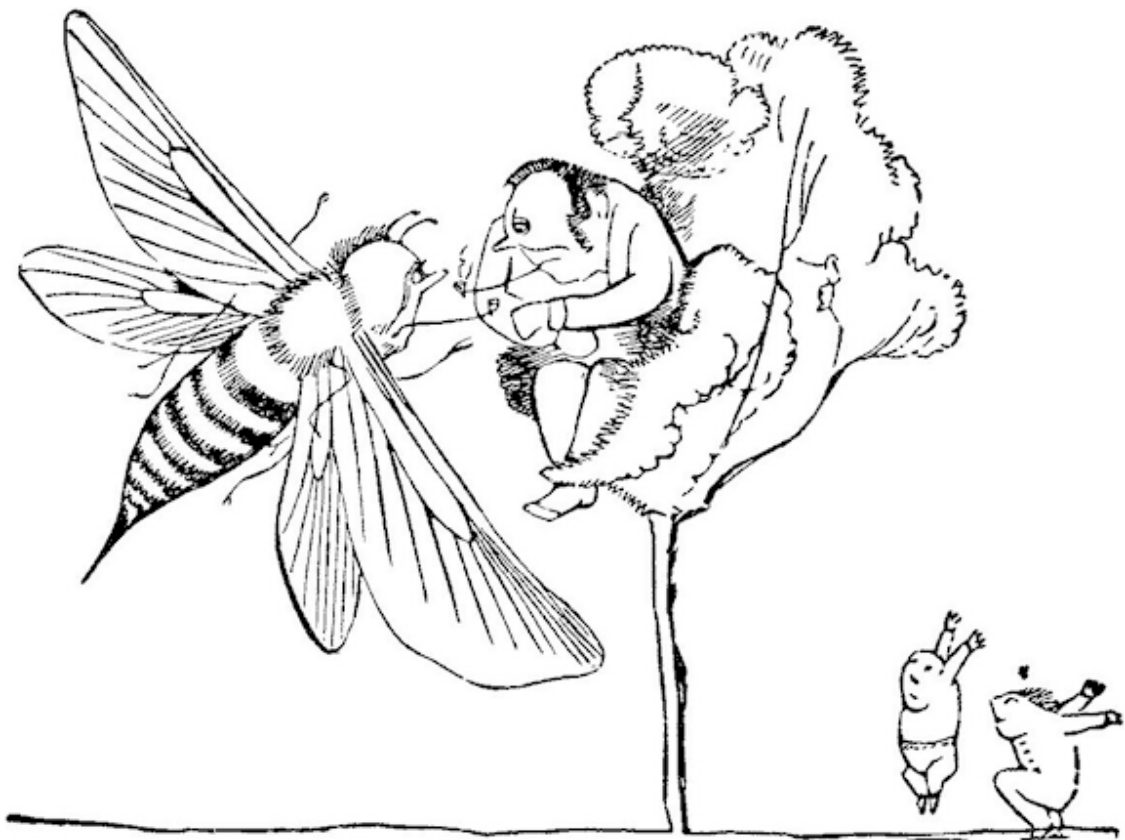
День-деньской колотил старичонка
В брюхо звонкого медного гонга;
А прохожие в крик:
«О, гремучий старик!»
Сокрушённый, замолк старичонка.

There was an Old Lady of Chertsey,
Who made a remarkable curtsey;

She twirled round and round,
Till she sank underground,
Which distressed all the people of Chertsey.

Обожала старушка из Чертси
В реверансе юлою вертертси,
Меры в том не приемля,
И однажды сквозь землю
Провернулась, печалуя Чертси.

There was an Old Man in a tree,
Who was horribly bored by a Bee;
When they said, 'Does it buzz?
He replied, 'Yes, it does!
It's a regular brute of a Bee!

Некий старец на ветке ветлы
Бесконечно терпел от пчелы;
А спроси: «Зла пчела?» —
Он в ответ: «Ох, и зла!
Это аспид в обличье пчелы!»

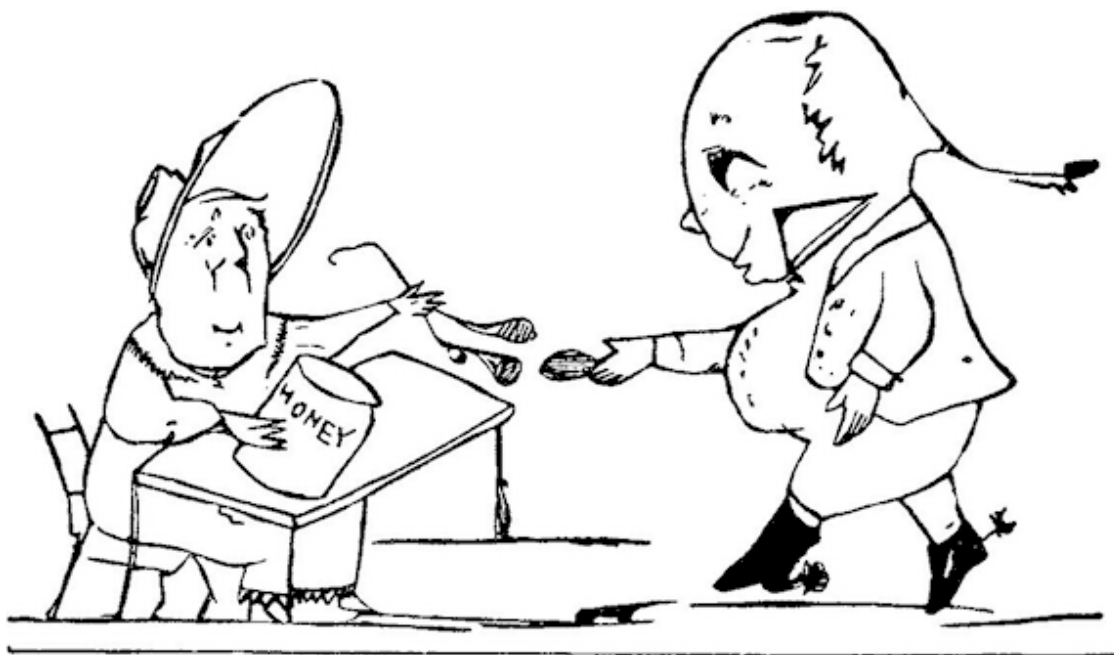
There was an Old Man with a flute,
A sarpint ran into his boot;
But he played day and night,
Till the sarpint took flight,
And avoided that Man with a flute.

К старику, оснащённому флейтой,
Змей в сапог проскользнул пёстрой лентой;
Тот играл день и ночь,
Змею стало невмочь,
Дал он дёру от дедушки с флейтой.

There was a Young Lady whose chin
Resembled the point of a pin;
So she had it made sharp,
And purchased a harp,
And played several tunes with her chin.

Подбородок у юной девицы
Был подобием кончика спицы;
Посильней заострив,
Развесёлый мотив
Им на арфе сыграла девица.

There was an Old Man of Kilkenny,
Who never had more than a penny;
He spent all that money
In onions and honey,
That wayward Old Man of Kilkenny.

В кошельке старика из Килкенни
Никогда не водилось и пенни;
Тратил скудный доход
Лишь на лук да на мёд
Тот причудистый мот из Килкенни.

There was an Old Person of Ischia,
Whose conduct grew friskier and friskier;
He danced hornpipes and jigs,
And ate thousands of figs,
That lively Old Person of Ischia.

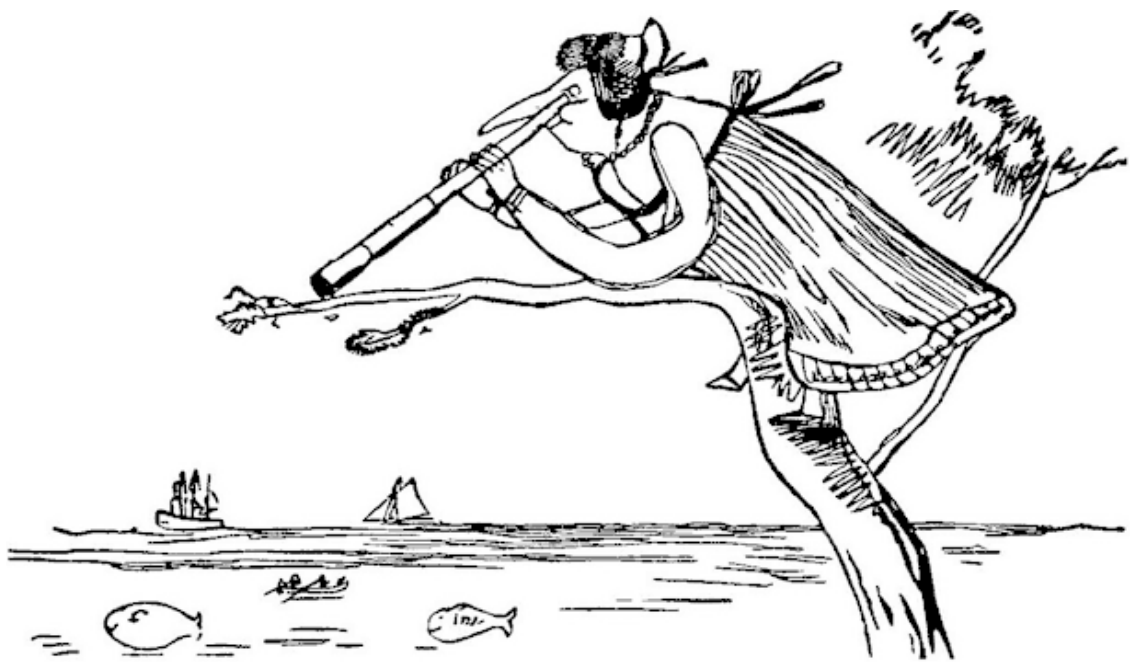
Сей персонистый старец на Искии
Вёл себя всё неисто-неистовей;
Отплясал сотни джиг
И сжевал тыщи фиг
Жизнедышащий старец на Искии.

There was an Old Man in a boat,

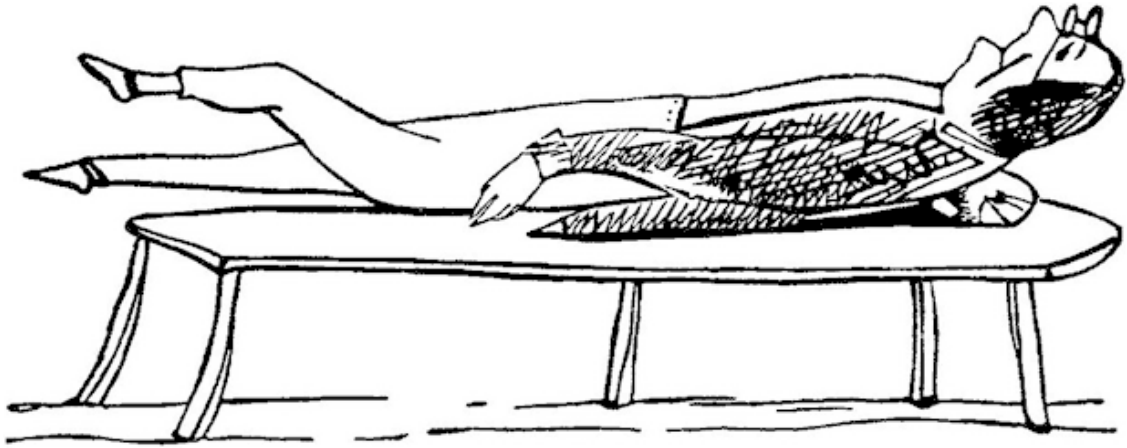
Who said, 'I'm afloat, I'm afloat!
When they said, 'No! you ain't!
He was ready to faint,
That unhappy Old Man in a boat.

Гаркнул старец, забравшийся в лодку:
«Я плыву, я плыву!» – во всю глотку.
А ему: «Не плывёшь!»
Старца бросило в дрожь,
Обмер старец, забравшийся в лодку.

There was a Young Lady of Portugal,
Whose ideas were excessively nautical;
She climbed up a tree,
To examine the sea,
But declared she would never leave Portugal.

Дева юная из Португалии
Всё рвалась в океанские дали и
С крон дерев то и дело
В сине море глядела,
Но осталась верна Португалии.

There was an Old Man of Moldavia,
Who had the most curious behaviour;
For while he was able,
He slept on a table,
That funny Old Man of Moldavia.

Был курьёзный старик из Молдавии,
И подобных едва ли видали вы;
На свету и во мгле
Почивал на столе
Ненасыпный старик из Молдавии.

There was an Old Man of Madras,
Who rode on a cream-coloured ass;
But the length of its ears
So promoted his fears,
That it killed that Old Man of Madras.

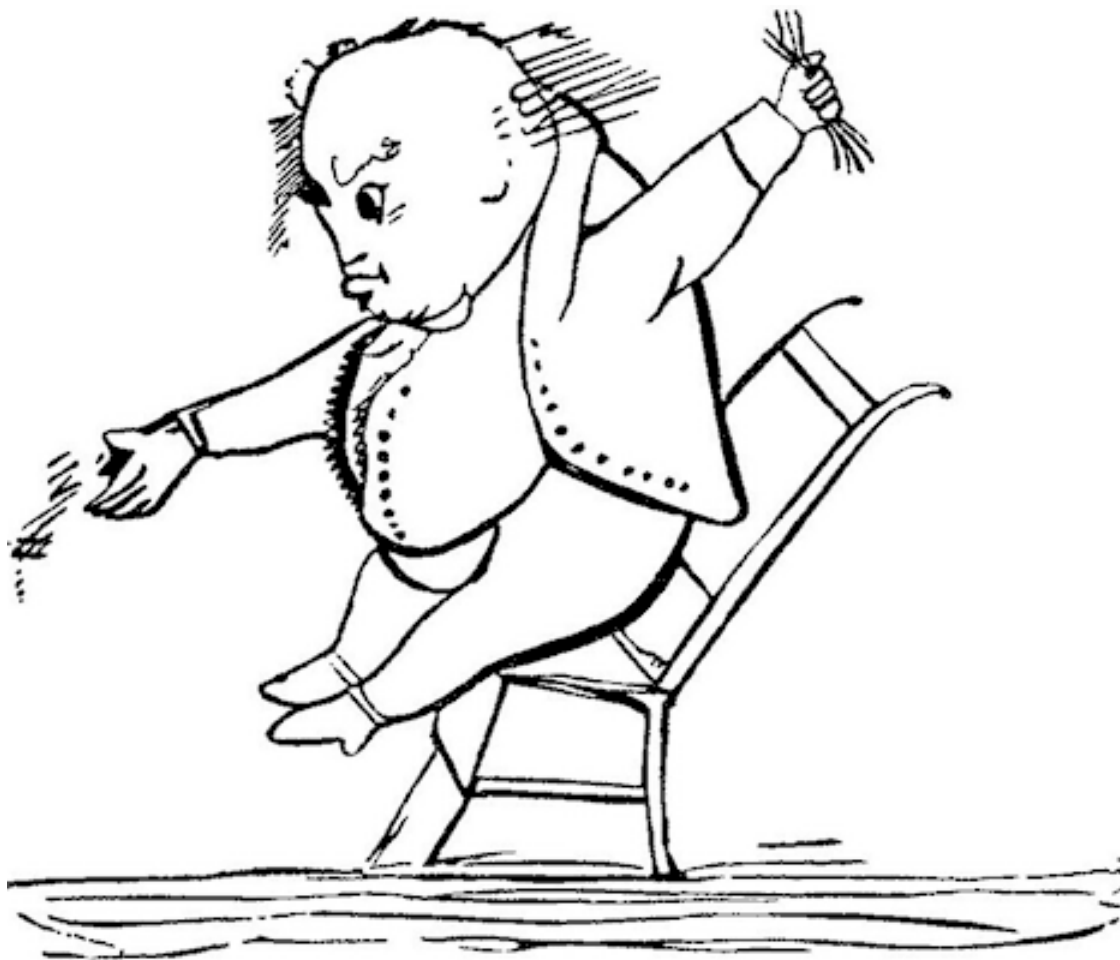
Взгромоздился старик из Мадраса
На осла мелового окраса;
Уши страшной длины
Животине даны,
В страхе помер старик из Мадраса.

There was an Old Person of Leeds,
Whose head was infested with beads;
She sat on a stool,
And ate gooseberry fool,
Which agreed with that Person of Leeds.

Обожала старушка из Лидса,
В кудри бисер вплетя, опустидса
На стулец массой всей,
И вкушала кисель

Из крыжовня старушка из Лидса.

There was an Old Man of Peru,
Who never knew what he should do;
So he tore off his hair,
And behaved like a bear,
That intrinsic Old Man of Peru.

Кудреватый старик из Перу
Всё не знал, чем заняться в миру;
Неуклюж как медведь,
Выдрал кудри на треть
Лысоватый старик из Перу.

There was an Old Person of Hurst,
Who drank when he was not athirst;
When they said, 'You'll grow fatter,
He answered, 'What matter?
That globular Person of Hurst.

Был персонный старик, житель Хёрста,
Не от жажды пивал он, а просто.
«Растолстеешь, питак!»
«А хотя бы и так?» —
Отвечал круглый старец из Хёрста.

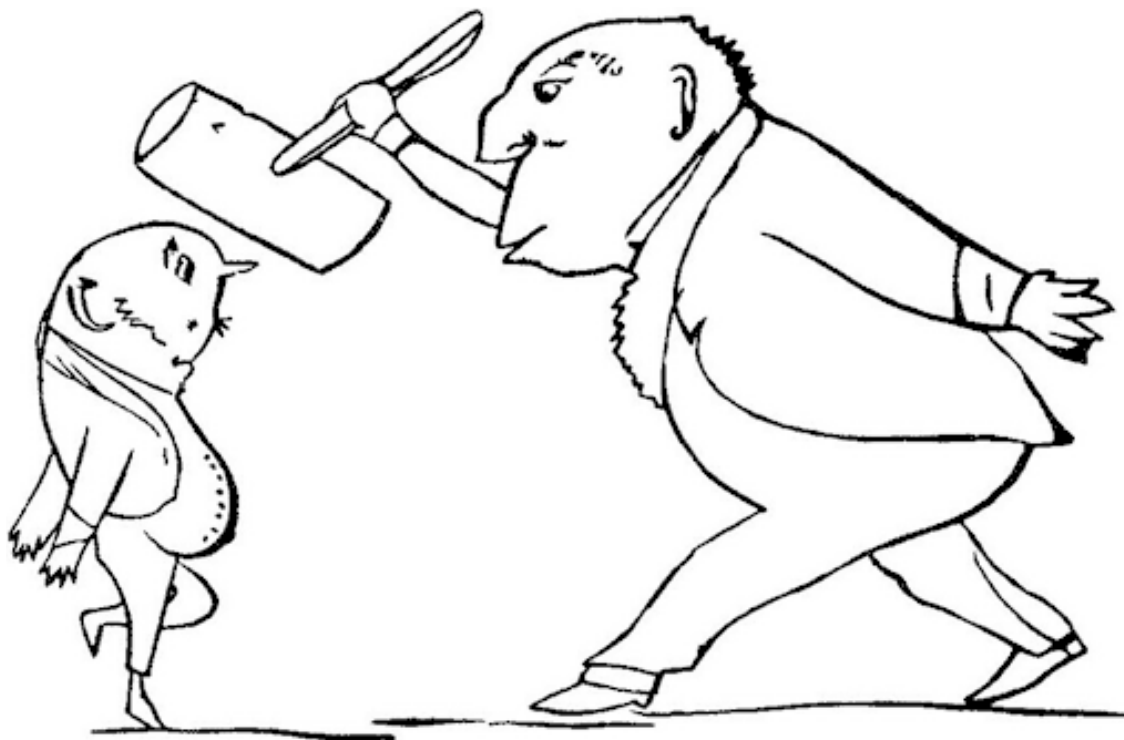
There was a Young Person of Crete,
Whose toilette was far from complete;
She dressed in a sack,
Spickle-speckled with black,
That ombliferous Person of Crete.

У девицы на острове Крит
В платье незавершённость царит;
Носит пёстрый мешок,
В пятнах каждый вершок,
Омблиферочка с острова Крит.

There was an Old Man of the Isles,
Whose face was pervaded with smiles;
He sang high dum diddle,
And played on the fiddle,
That amiable Man of the Isles.

Был милейший старик с Островов,
Весельчак, трулялист, остро слов;
Пел, пиликал на скрипке,
Излучая улыбки,
Дружелюбный старик с Островов.

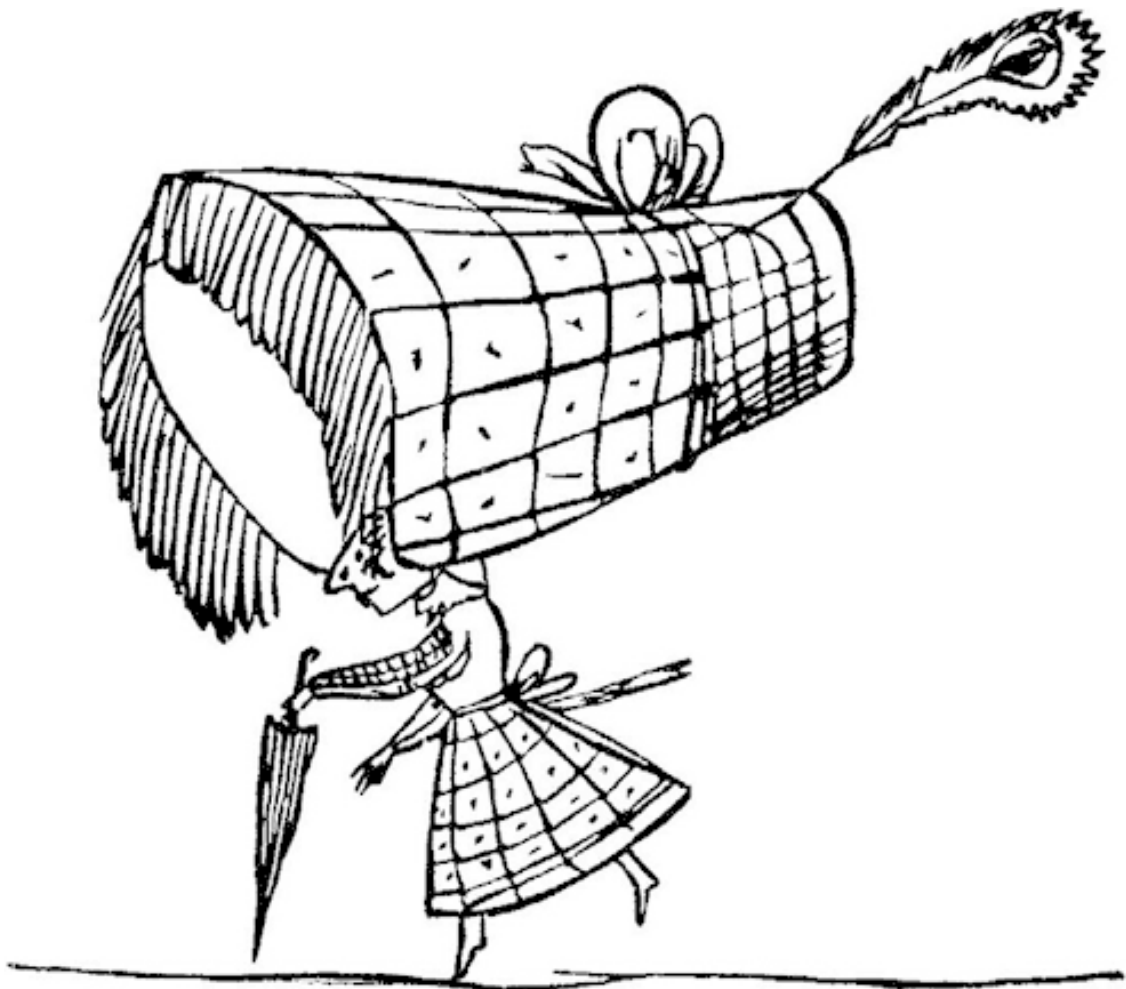
There was an Old Person of Buda,
Whose conduct grew ruder and ruder;
Till at last, with a hammer,
They silenced his clamour,
By smashing that Person of Buda.

Грубый старец из города Буда
Вёл себя всё грубее, покуда
Некто, взяв молоток,
Не пристукнул чуток
Горлодёра из города Буда.

There was an Old Man of Columbia,
Who was thirsty, and called out for some beer;
But they brought it quite hot,
In a small copper pot,
Which disgusted that Man of Columbia.

Мучим жаждой, старик из Колумбии
Вздумал, что выпить пива не глупо бы;
Принесли торопливо
Кружку тёплого пива,
Отвратив старика из Колумбии.

There was a Young Lady of Dorking,
Who bought a large bonnet for walking;
But its colour and size
So bedazzled her eyes,
That she very soon went back to Dorking.

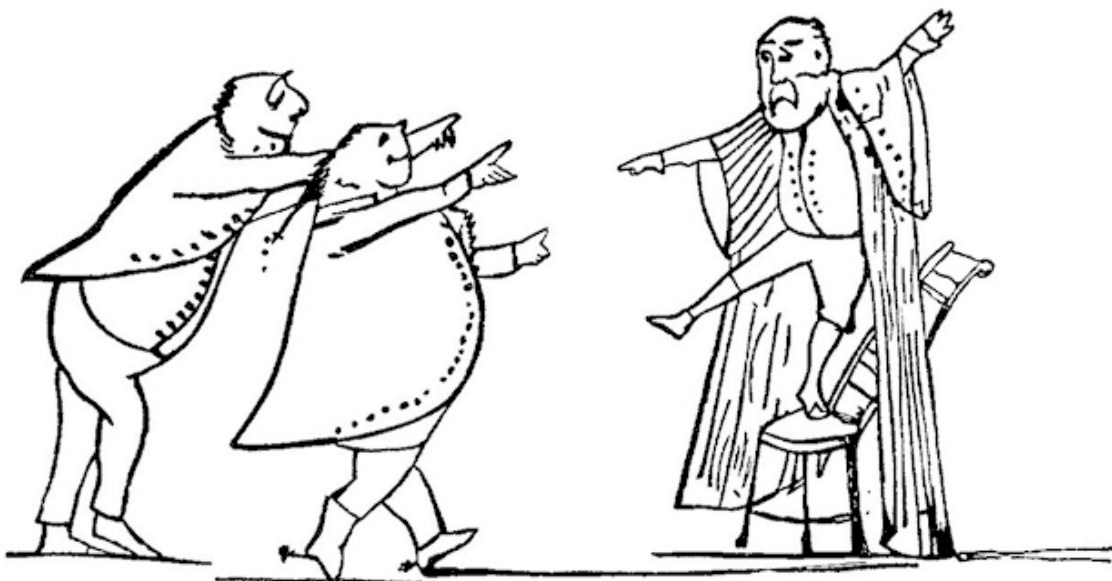
Прикупила девица из Доркина
Для гуляния шляпку на торге, но

Крой её и окрас
Ослепил и потряс,
В дом вернув, ту девицу из Доркина.

There was an Old Man who supposed
That the street door was partially closed;
But some very large Rats
Ate his coats and his hats,
While that futile Old Gentleman dozed.

Зряшный старец, не чая напасти,
Дверь считал затворённой отчасти;
Но тандем крупных крыс
Съел пальто, шляпы сгрыз,
А старик был у дрёмы во власти.

There was an Old Man of the West,
Who wore a pale plum-coloured vest;
When they said, 'Does it fit?'
He replied, 'Not a bit!
That uneasy Old Man of the West.

Обитавший на Западе дед
В сливоватый жилет был одет;
Спросишь: «Впору жилет?» —
Он в ответ: «Ну уж нет!»
Вот такой нелюбчивый дед.

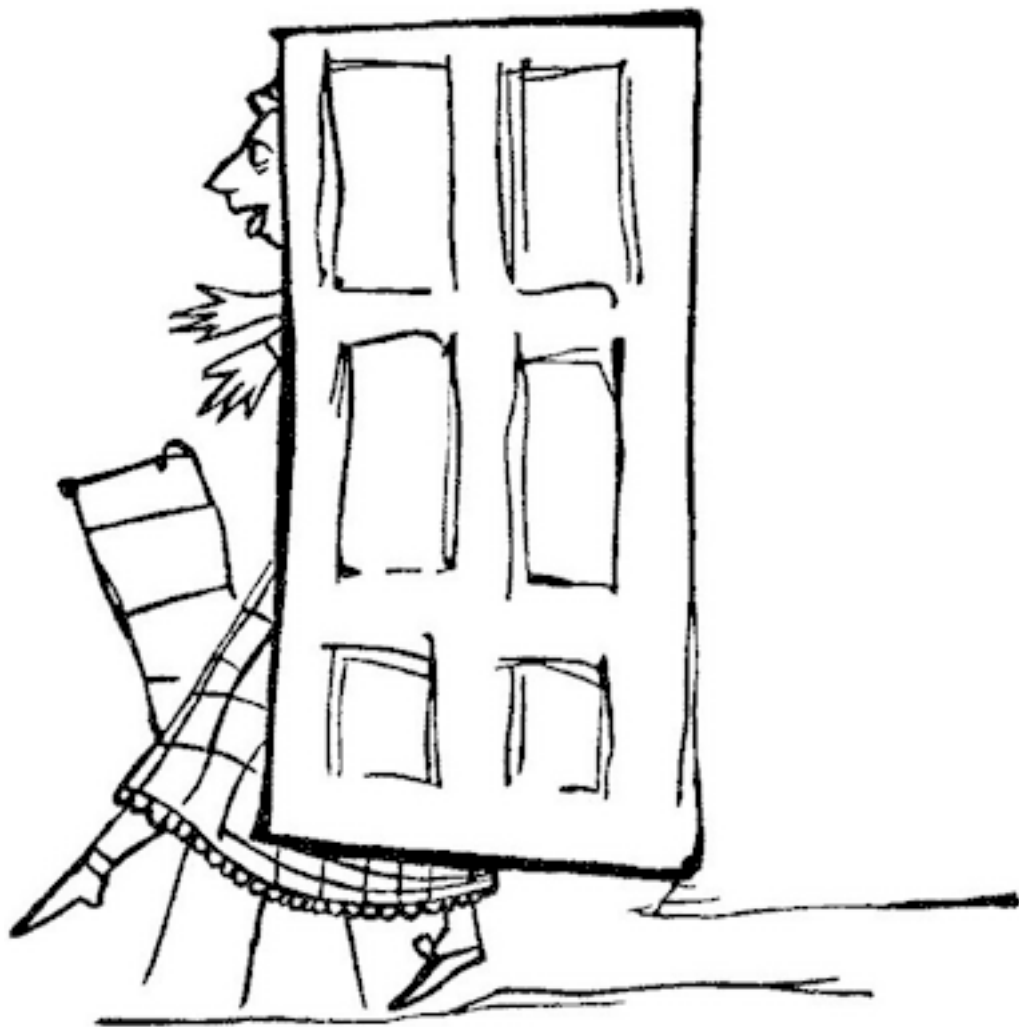
There was an Old Man of the Wrekin,
Whose shoes made a horrible creaking;
But they said, 'Tell us whether
Your shoes are of leather,
Or of what, you Old Man of the Wrekin?

Башмаки старикашки близ Рикина
Раскрипелись весьма подозрительно;
Вот его и спросили:
«Это что – кожа или?..
Что за скрип, старикашка близ Рикина?»

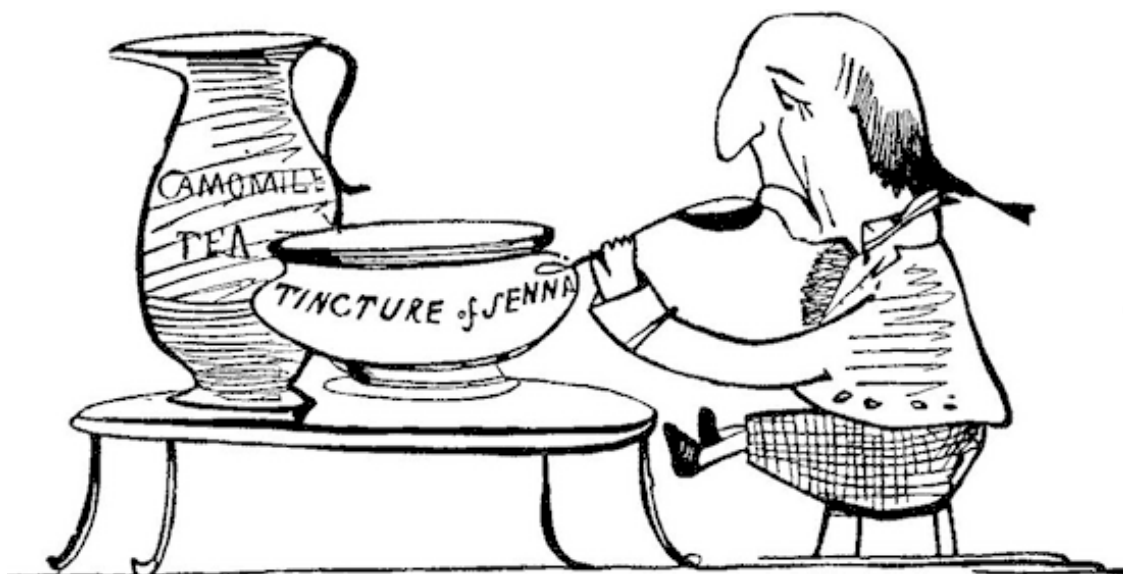
There was a Young Lady whose eyes
Were unique as to colour and size;
When she opened them wide,
People all turned aside,
And started away in surprise.

У одной яркоглазой девицы
Велики безразмерно зеницы;
Встретив этакий взгляд,
Норовит стар и млад
От девицы стремглав отдалицы.

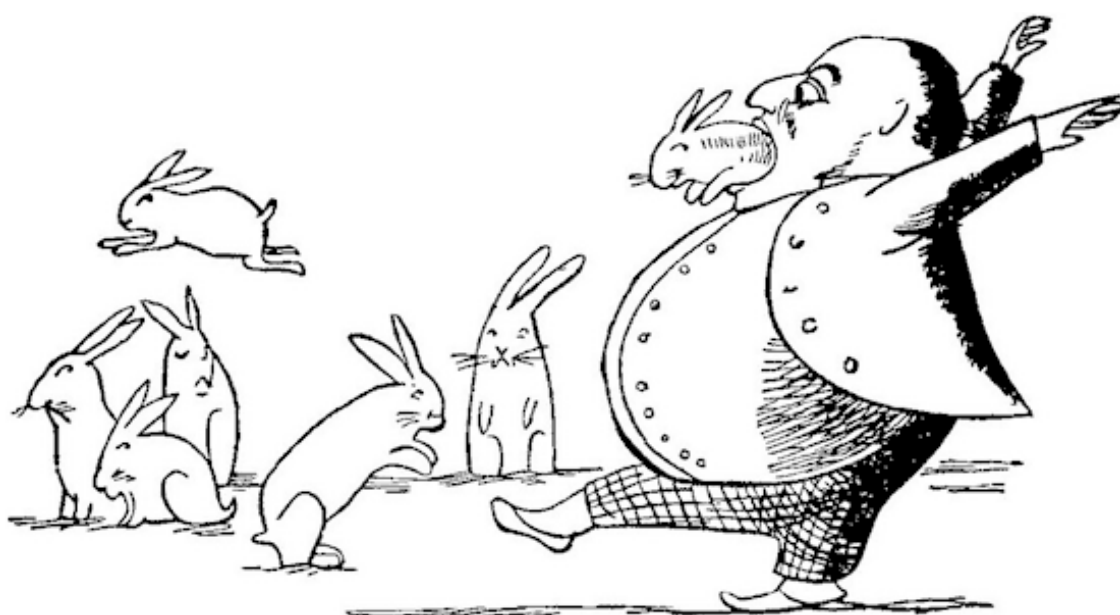
There was a Young Lady of Norway,
Who casually sat in a doorway;
When the door squeezed her flat,
She exclaimed, 'What of that?'
This courageous Young Lady of Norway.

Моложавая фру из Норвегии
Примостилась в дверях в кои веки, и
Дверью сплющило тело;
А она: «Эко дело!»
Хладнокровная фру из Норвегии.

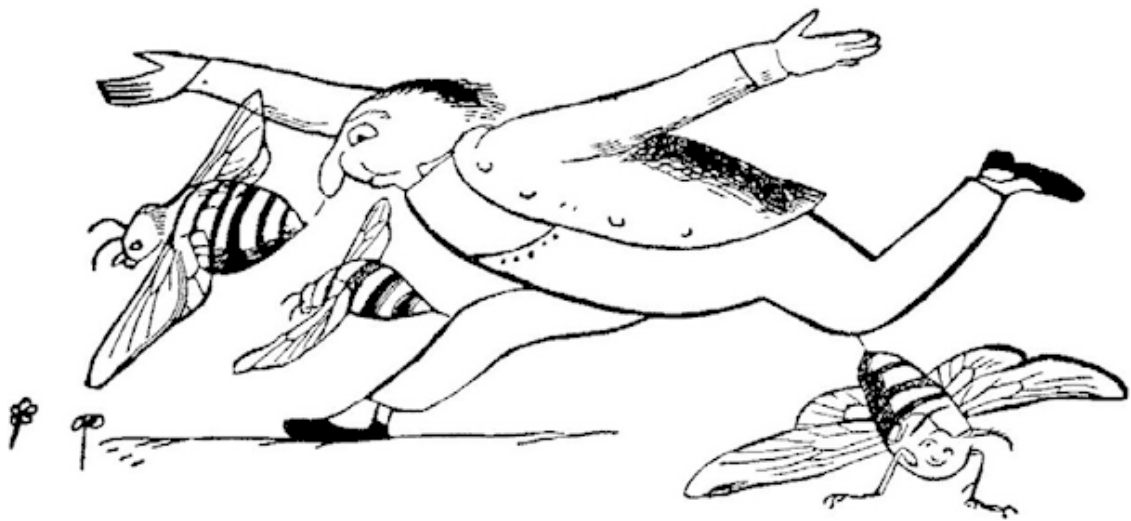
There was an Old Man of Vienna,
Who lived upon Tincture of Senna;
When that did not agree,
He took Camomile Tea,
That nasty Old Man of Vienna.

Жил-был старец из города Вены,
Попивавший настойку из сенны;
Перебрав невзначай,
Пил ромашковый чай
Неприязненный старец из Вены.

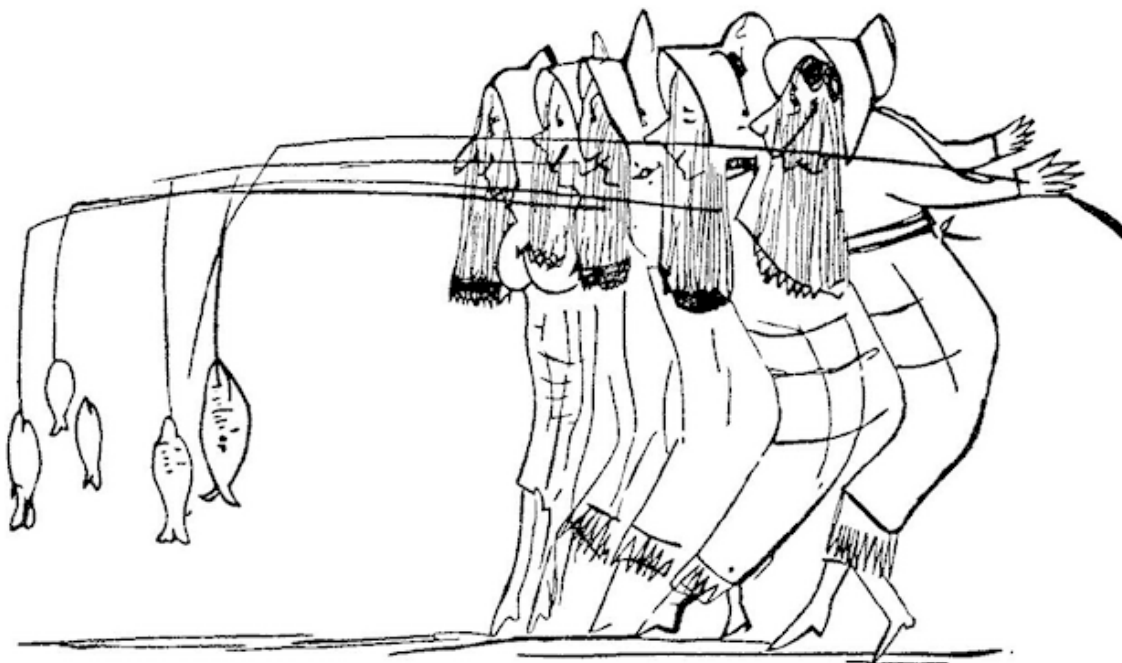
There was an Old Person whose habits
Induced him to feed upon Rabbits;
When he'd eaten eighteen,
He turned perfectly green,
Upon which he relinquished those habits.

Был старик, учредивший обычай
Делать кроликов лёгкой добычей;
Съел без двух двадцать штук,
Зелен сделался вдруг
И отверг нездоровый обычай.

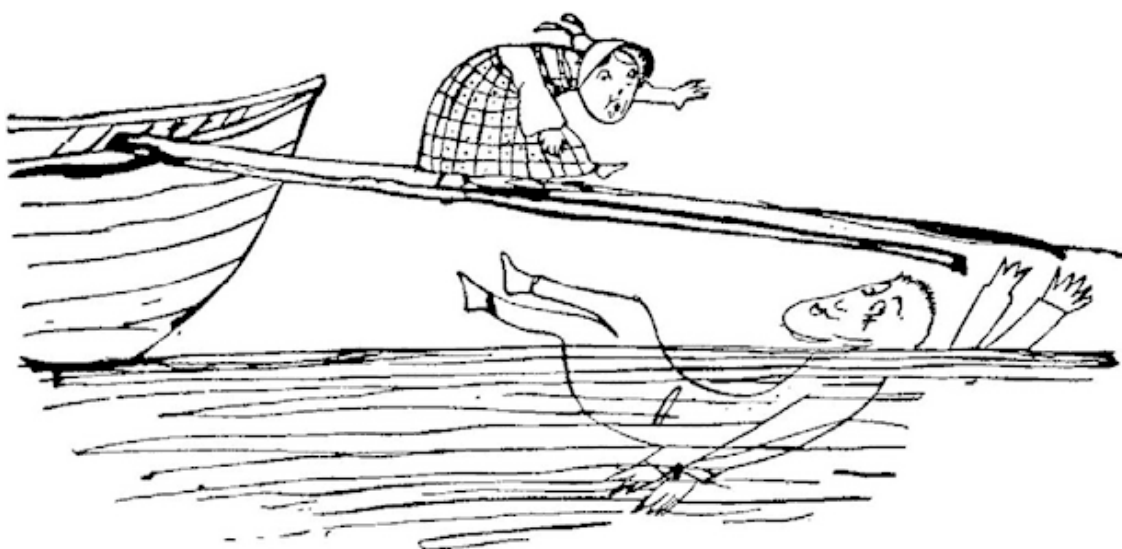
There was an Old Person of Dover,
Who rushed through a field of blue Clover;
But some very large bees
Stung his nose and his knees,
So he very soon went back to Dover.

Припустил старикашка из Дувру
По цветущему клеверу сдувру;
Пчёл немало впилося
И в коленки, и в нос,
И старик повернул прямо к Дувру.

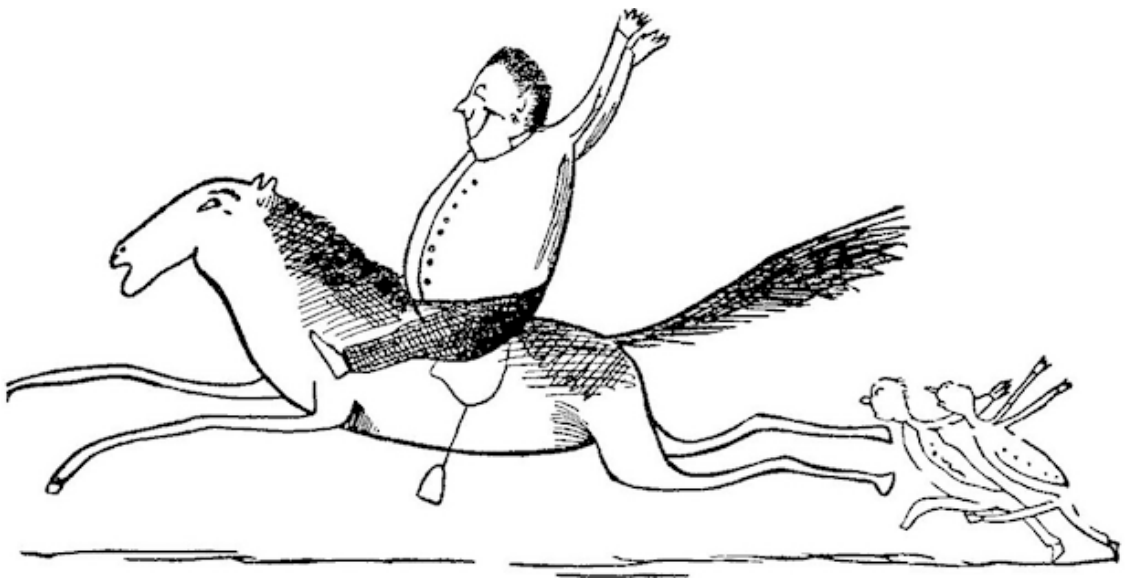
There was an Old Man of Marseilles,
Whose daughters wore bottle-green veils;
They caught several Fish,
Which they put in a dish,
And sent to their Pa' at Marseilles.

Дочки старого мсье из Марселя
Изумрудны вуали надели;
Наловив окуней,
Отослали оне
Их на блюдо Папа из Марселя.

There was an Old Person of Cadiz,
Who was always polite to all ladies;
But in handing his daughter,
He fell into the water,
Which drowned that Old Person of Cadiz.

Сей галантный старик, житель Кадиса,
Юным дамам служил жизнирадисто,
Впрочем, также и прочим;
Но подсаживал дочь он,
В воду плюх и утоп житель Кадиса.

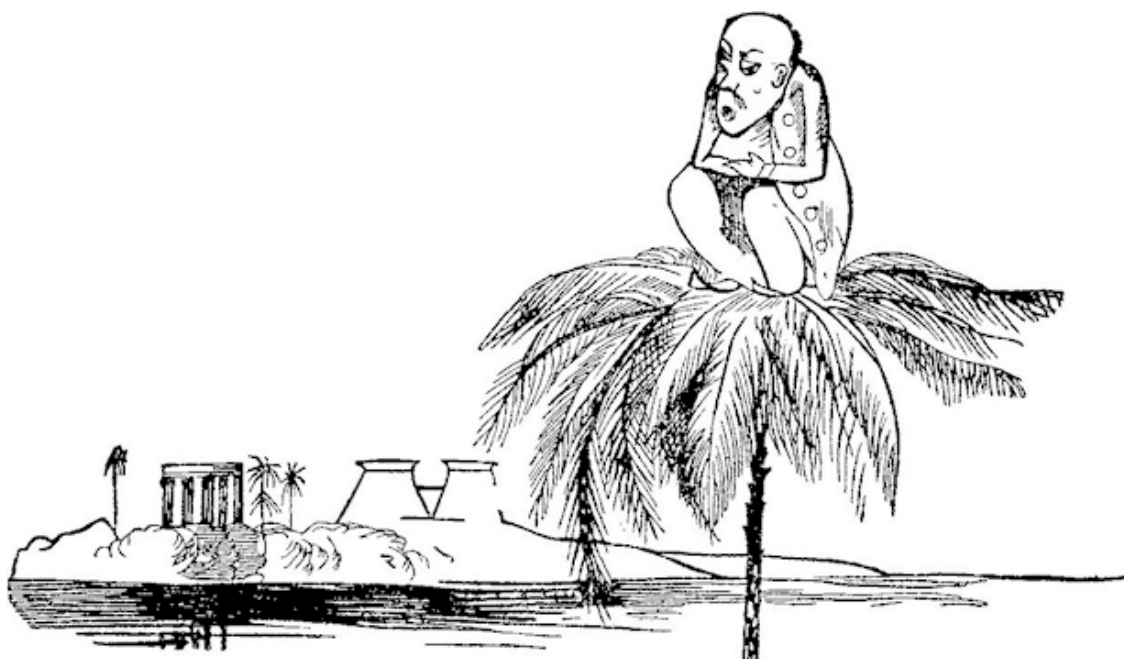
There was an Old Person of Basing,
Whose presence of mind was amazing;
He purchased a steed,
Which he rode at full speed,
And escaped from the people of Basing.

Жил-был старец из города Бейсинга,
Не терявший в душе равновейсинга;
И, купив скакуна,
Ускакал старина
Прочь от жителей города Бейсинга.

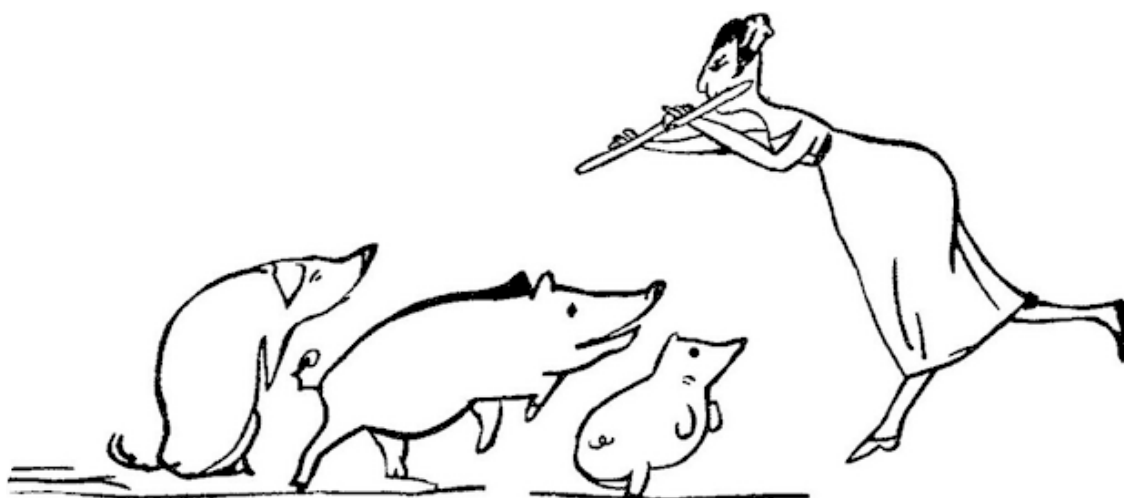
There was an Old Man of Quebec,
A beetle ran over his neck;
But he cried, 'With a needle,
I'll slay you, O beadle!
That angry Old Man of Quebec.

Шею старца в пределах Квебека
Некий жук сделал местом забега;
Хвать иглу старина:
«Насажу тебя на
Остриё, скорожук из Квебека!»

There was an Old Person of Philae,
Whose conduct was scroobious and wily;
He rushed up a Palm,
When the weather was calm,
And observed all the ruins of Philae.

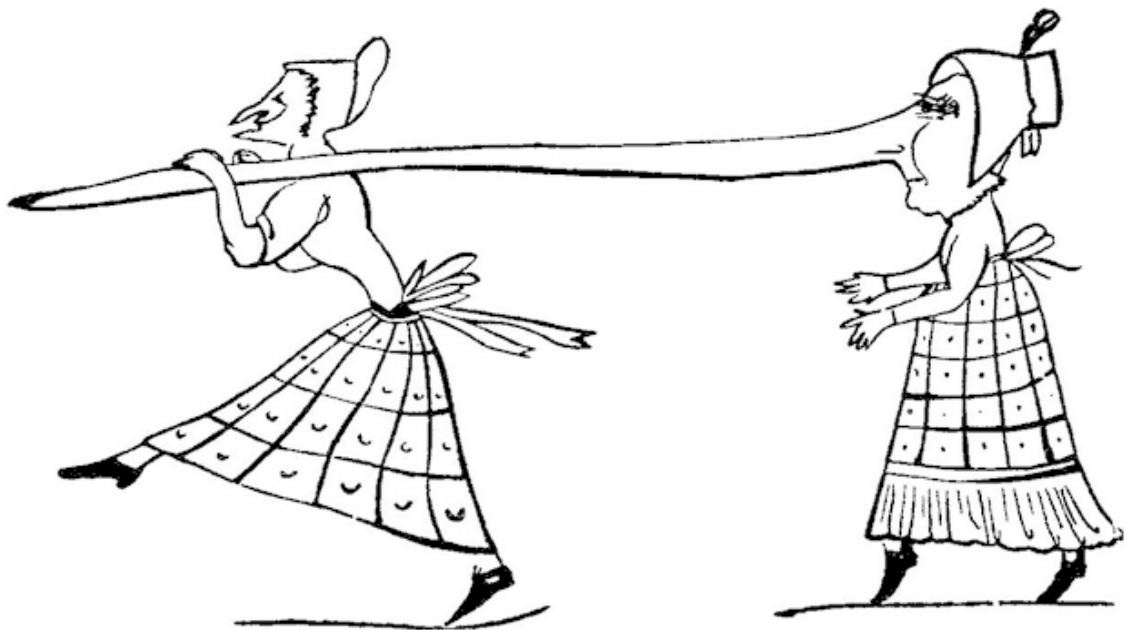
Был персонный старик, житель Фил,
Археолух и скрубиофил;
В вёдро влезет на древо
И глядит вправо-влево,
Озирая развалины Фил.

There was a Young Lady of Bute,

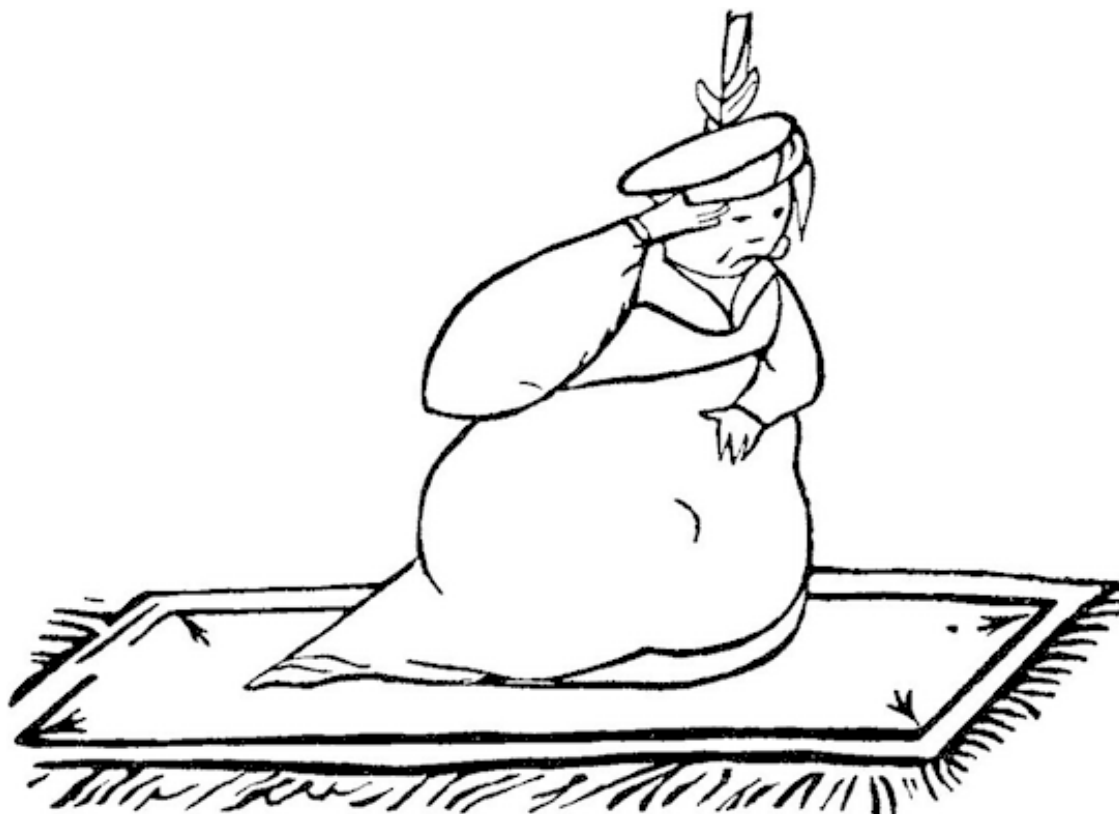
Who played on a silver-gilt flute;
She played several jigs,
To her uncle's white pigs,
That amusing Young Lady of Bute.

Презабавная дева из Бьюту
В руки флейту взяла на минуту
И сыграла на ней
Пару джиг для свиней
Престарелого дяди из Бьюту.

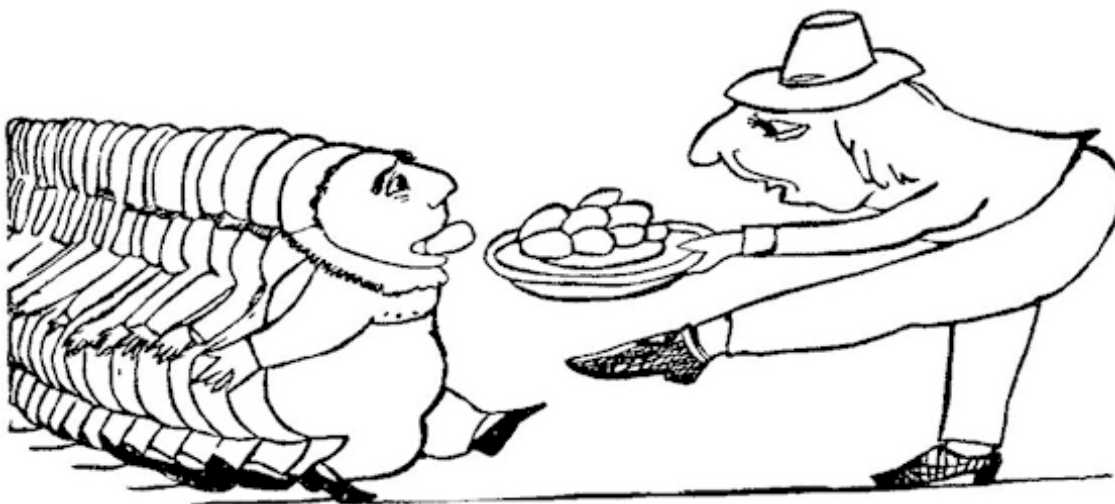
There was a Young Lady whose nose
Was so long that it reached to her toes;
So she hired an Old Lady,
Whose conduct was steady,
To carry that wonderful nose.

У девицы одной чудо-нос
Рос и рос, и до полу дорос;
Так старушку, бывало,
Ту, что твёрдо ступала,
Нанимала носить этот нос.

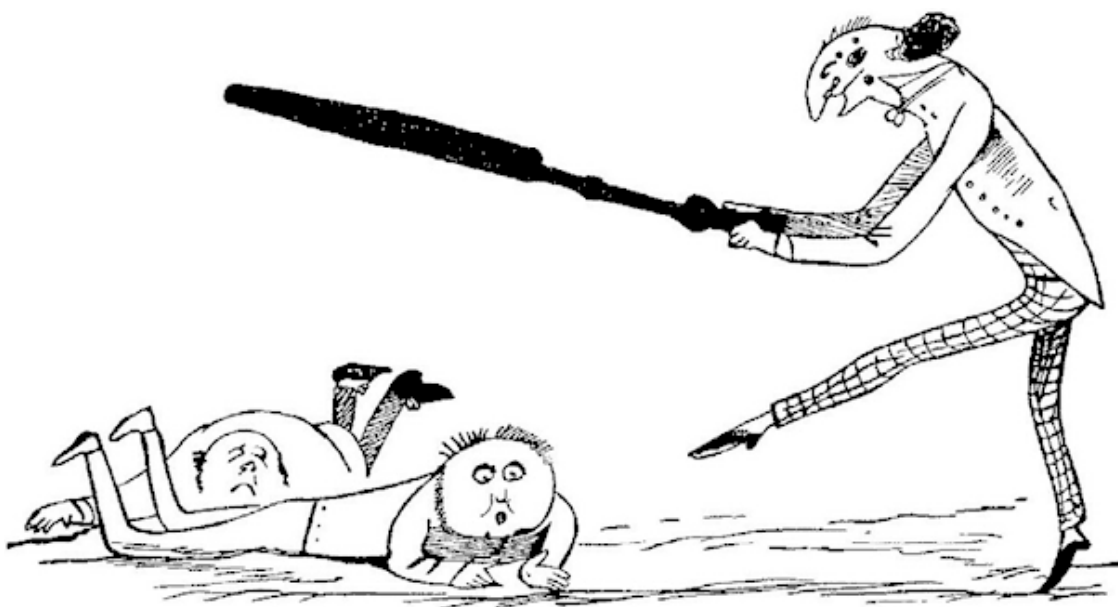
There was a Young Lady of Turkey,
Who wept when the weather was murky;
When the day turned out fine,
She ceased to repine,
That capricious Young Lady of Turkey.

В непогоду девица из Турции
Вся в горячих слезах и в нахмурции;
А в погоду она
Умиротворена,
Капризуля-девица из Турции.

There was an Old Man of Apulia,
Whose conduct was very peculiar;
He fed twenty sons
Upon nothing but buns,
That whimsical Man of Apulia.

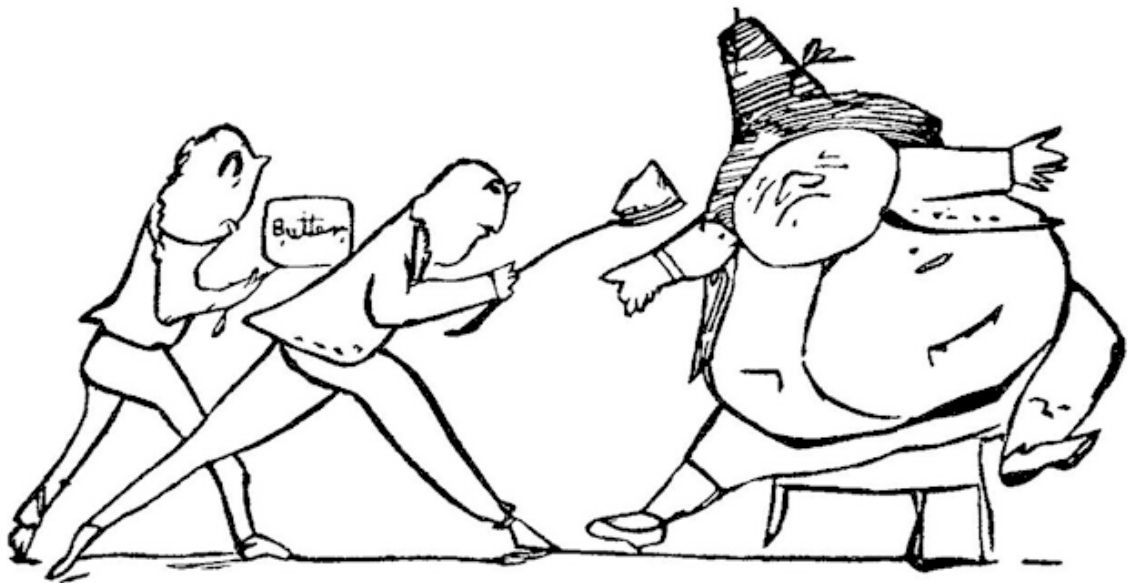
Эксцентричный старик из Апулии
Был весьма специфичным папулею
Двадцати сыновей;
И кормил их, ей-ей,
Только сдобой старик из Апулии.

There was an Old Man with a poker,
Who painted his face with red oker;

When they said, 'You're a Guy!
He made no reply,
But knocked them all down with his poker.

На лице старика с кочергою
Охрой крашено то и другое;
Скажет кто: «Ну и шут!» —
Уж старик тут как тут
И в нокдаун того кочергою.

There was an Old Person of Prague,
Who was suddenly seized with the Plague;
But they gave him some butter,
Which caused him to mutter,
And cured that Old Person of Prague.

Жил да был некий старец из Праги,
Злоключилась чума у бедняги;
Так бы жизнь и угасла,
Да коровьего масла
Дали вовремя старцу из Праги.

There was an Old Man of the North,
Who fell into a basin of broth;
But a laudable cook
Fished him out with a hook,
Which saved that Old Man of the North.

Бултыхнулся старик-северянин
В чан с бульоном, глубокий и просторный;
Но стряпуха ловкая —
На крючок старика,
Так спасён был старик-северянин.

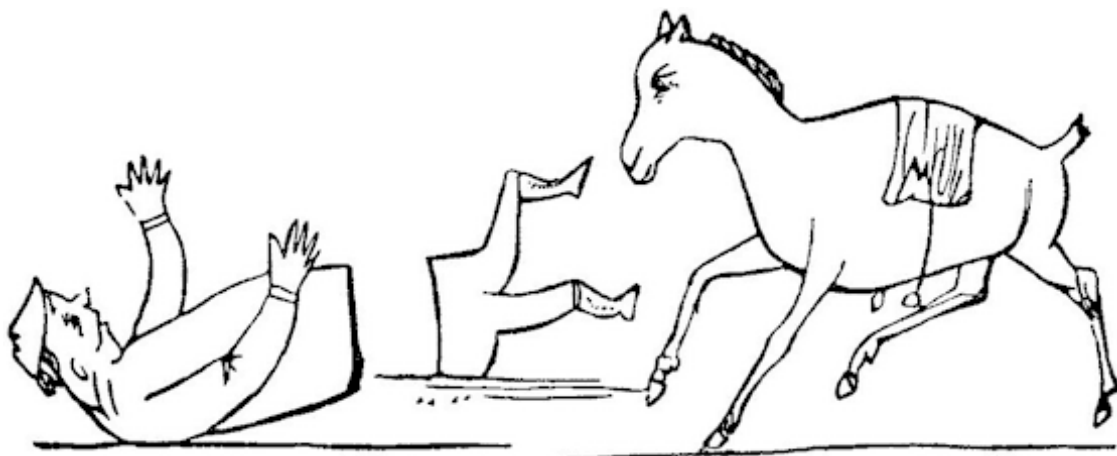
There was a Young Lady of Poole,
Whose soup was excessively cool;
So she put it to boil
By the aid of some oil,
That ingenious Young Lady of Poole.

Предприимная дева из Пула
Греть супец на спиртовке рискнула;
Чтобы вдруг не погасло,
В пламя постное масло
Подливала девица из Пула.

There was an Old Person of Mold,
Who shrank from sensations of cold;
So he purchased some muffs,
Some furs, and some fluffs,
And wrapped himself well from the cold.

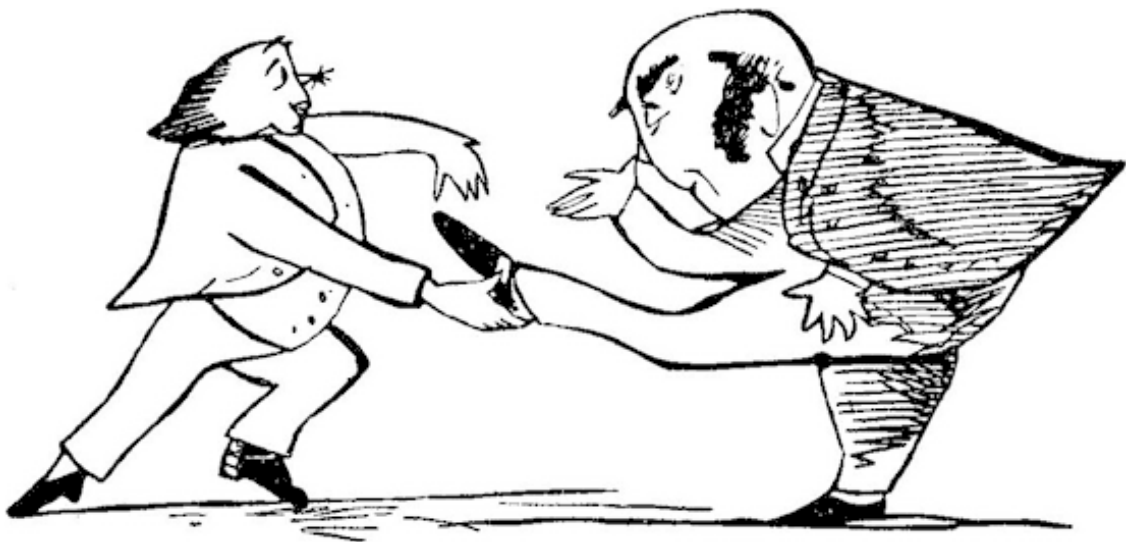
Некий старец из города Моулда
Опасался простуды и хоулда;
В пух, и в мех, и в манто б
Он закутался, чтоб
Не бояться простуды и хоулда.

There was an Old Man of Nepaul,
From his horse had a terrible fall;
But, though split quite in two,
With some very strong glue

They mended that Man of Nepaul.

Был один старичок из Непала,
Он с коня полетел как попало:
Был один – стало два;
Крепким клеем едва
Склеен был старичок из Непала.

There was an Old Man of th' Abruzzi,
So blind that he couldn't his foot see;
When they said, 'That's your toe,
He replied, 'Is it so?
That doubtful Old Man of th' Abruzzi.

Не дано старику из Абруццо
До ступни своей взором коснуццо;
Скажут: «Вот же она!» —
Он в ответ: «Вот те на!»
Недоверчив слепец из Абруццо.

There was an Old Person of Rhodes,
Who strongly objected to toads;
He paid several cousins
To catch them by dozens,
That futile Old Person of Rhodes.

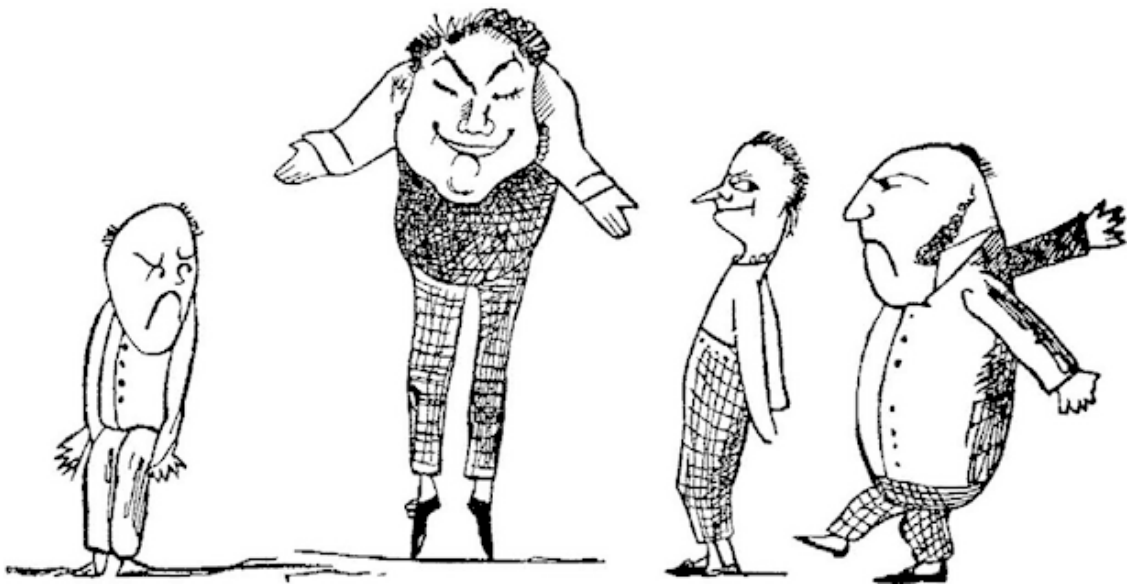
Зряшный старец на острове Родос,
Ненавидевший жабыю породу-с,
Нанял бойких кузин
Из болот и низин
Извести жаб на острове Родос.

There was an Old Man of Peru,

Who watched his wife making a stew;
But once, by mistake,
In a stove she did bake
That unfortunate Man of Peru.

Наблюдал старичок из Перу,
Как жена жарит дичь на жару;
По оплошке она
Подрумянила на
Том жару старичка из Перу.

There was an Old Man of Melrose,
Who walked on the tips of his toes;
But they said, 'It ain't pleasant
To see you at present,
You stupid Old Man of Melrose.

Был один старичок из Мельрозы,
Всё на пальцах ходил, строил позы;
А ему: «Мерзогадки
Эти ваши повадки,
Худоумный старик из Мельрозы».

There was a Young Lady of Lucca,
Whose lovers completely forsook her;
She ran up a tree,
And said, 'Fiddle-de-dee!
Which embarrassed the people of Lucca.

Молодая особа из Лукки,
Пострадав от любовной разлуки,
Взгромоздясь на платан,
Спела там «трам-там-там!»
К замешательству жителей Лукки.

There was an Old Man of Bohemia,
Whose daughter was christened Euphemia;
But one day, to his grief,
She married a thief,
Which grieved that Old Man of Bohemia.

Был один старичок из Богемии,
Давший дочери имя Евгении;
Но, к несчастью родителя,
Вышла та за грабителя,
Огорчив старичка из Богемии.

There was an Old Man of Vesuvius,
Who studied the works of Vitruvius;
When the flames burnt his book,
To drinking he took,
That morbid Old Man of Vesuvius.

Был старик у подножья Везувия,
Изучавший творенья Витрувия;
В пламя выронив том,
Выпил рому потом
Нехороший старик у Везувия.

There was an Old Man of Cape Horn,
Who wished he had never been born;
So he sat on a chair,
Till he died of despair,
That dolorous Man of Cape Horn.

С малолетья старик с мыса Горн
Был не рад, что на свет порождён;
Всё на стуле сидел он,
Горевал и скорбел он,
Так и помер горюн с мыса Горн.

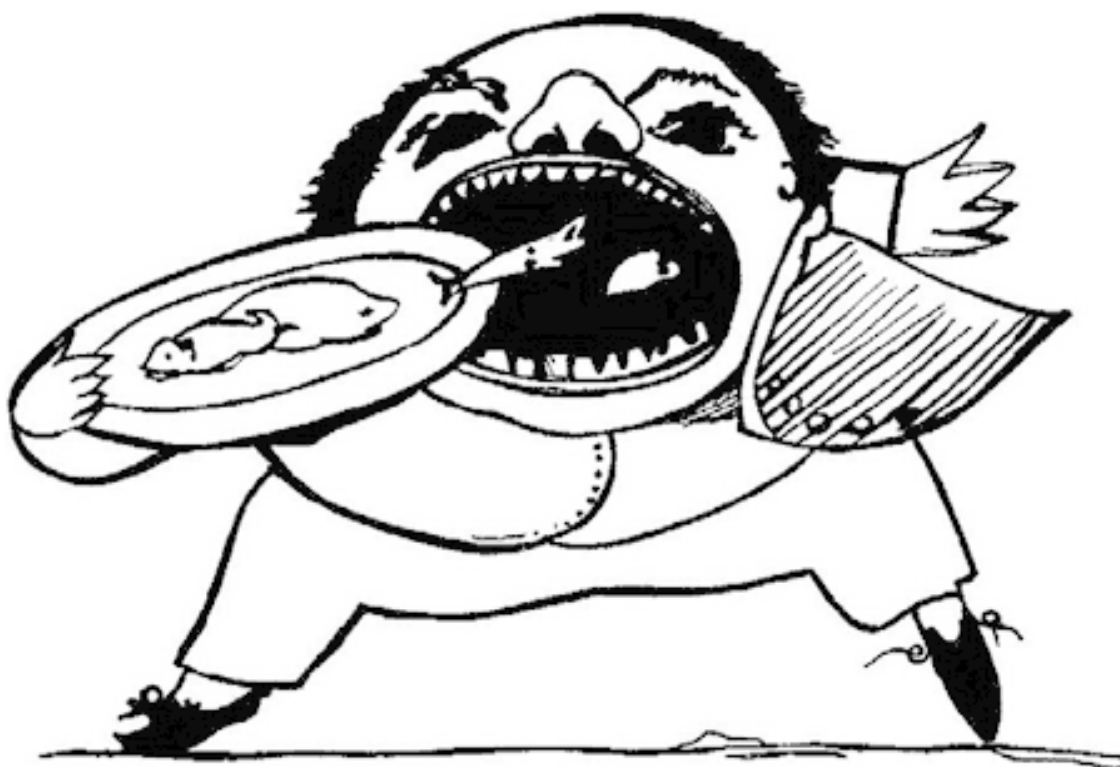
There was an Old Lady whose folly
Induced her to sit on a holly;
Whereon, by a thorn
Her dress being torn,
She quickly became melancholy.

Из каприза, по прихоти чисто,
Леди села на куст остролиста;
О колючку порвав
И подол, и рукав,
Леди сделалась меланхолиста.

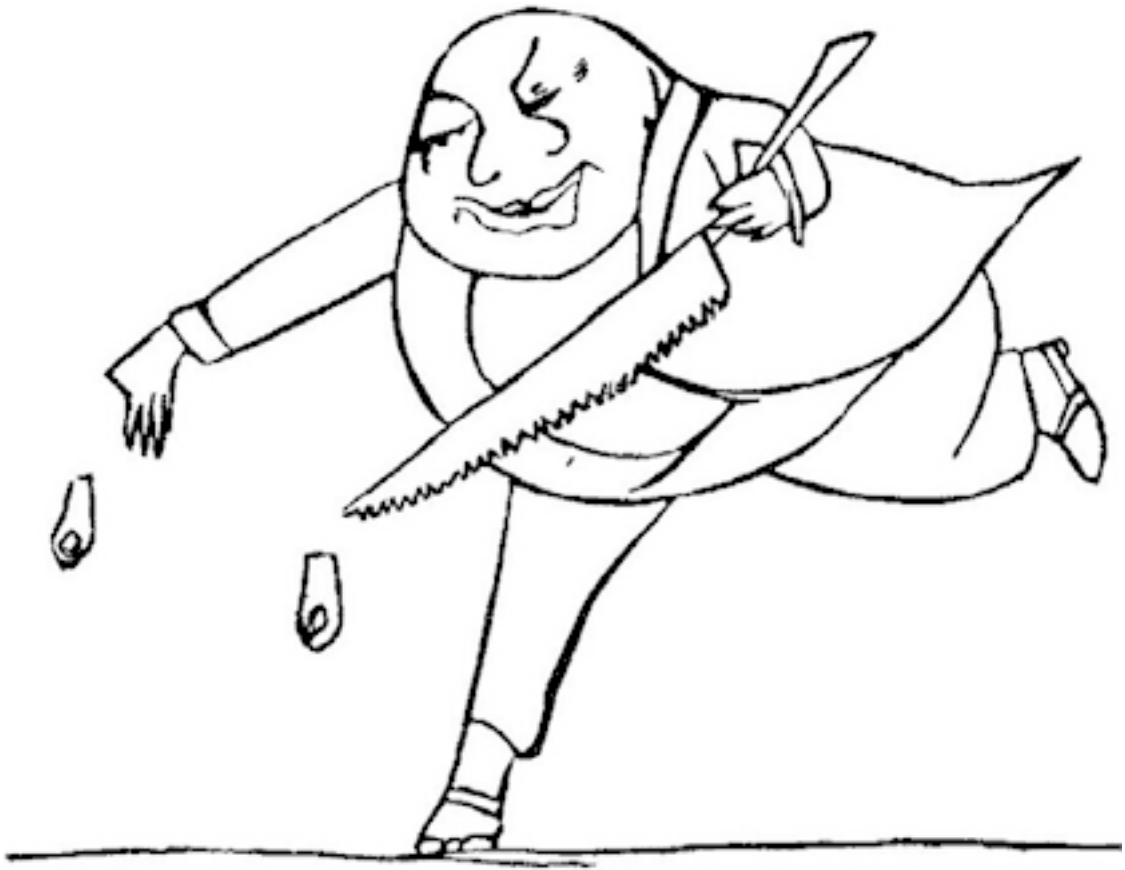
There was an Old Man of Corfu,
Who never knew what he should do;
So he rushed up and down,
Till the sun made him brown,
That bewildered Old Man of Corfu.

Жил-был старец на острове Корфу,
Никчемушный с младенческих пор, фу;
Бегал взад и вперёд,
Пока солнце печёт,
Бронзовея на острове Корфу.

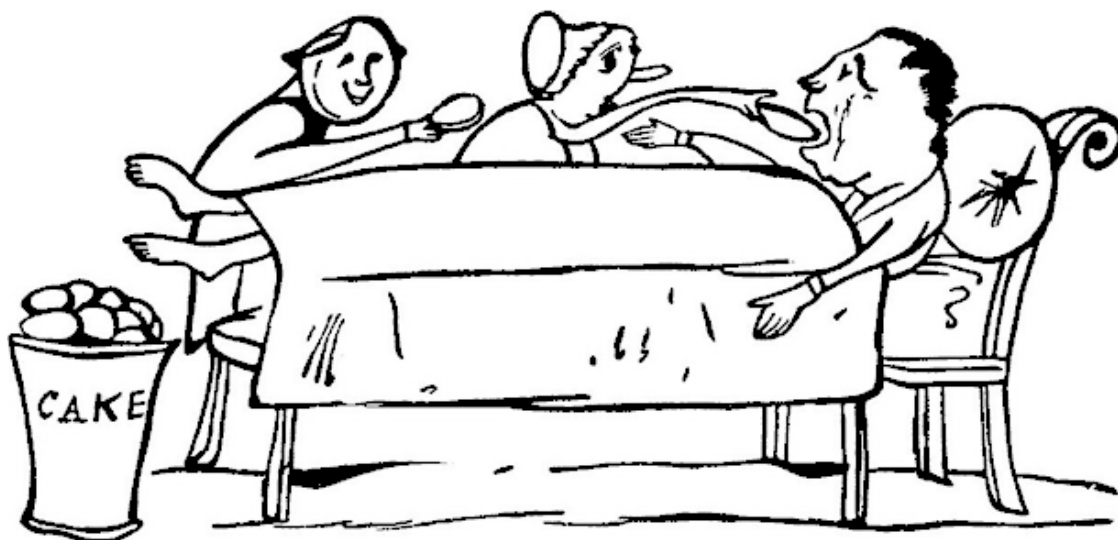
There was an Old Man of the South,
Who had an immoderate mouth;
But in swallowing a dish,
That was quite full of fish,
He was choked, that Old Man of the South.

Был ротастый старик, житель Юга,
С пастью в виде огромного круга;
Но, пихая туды
Блюдо рыбной еды,
Подавился старик, житель Юга.

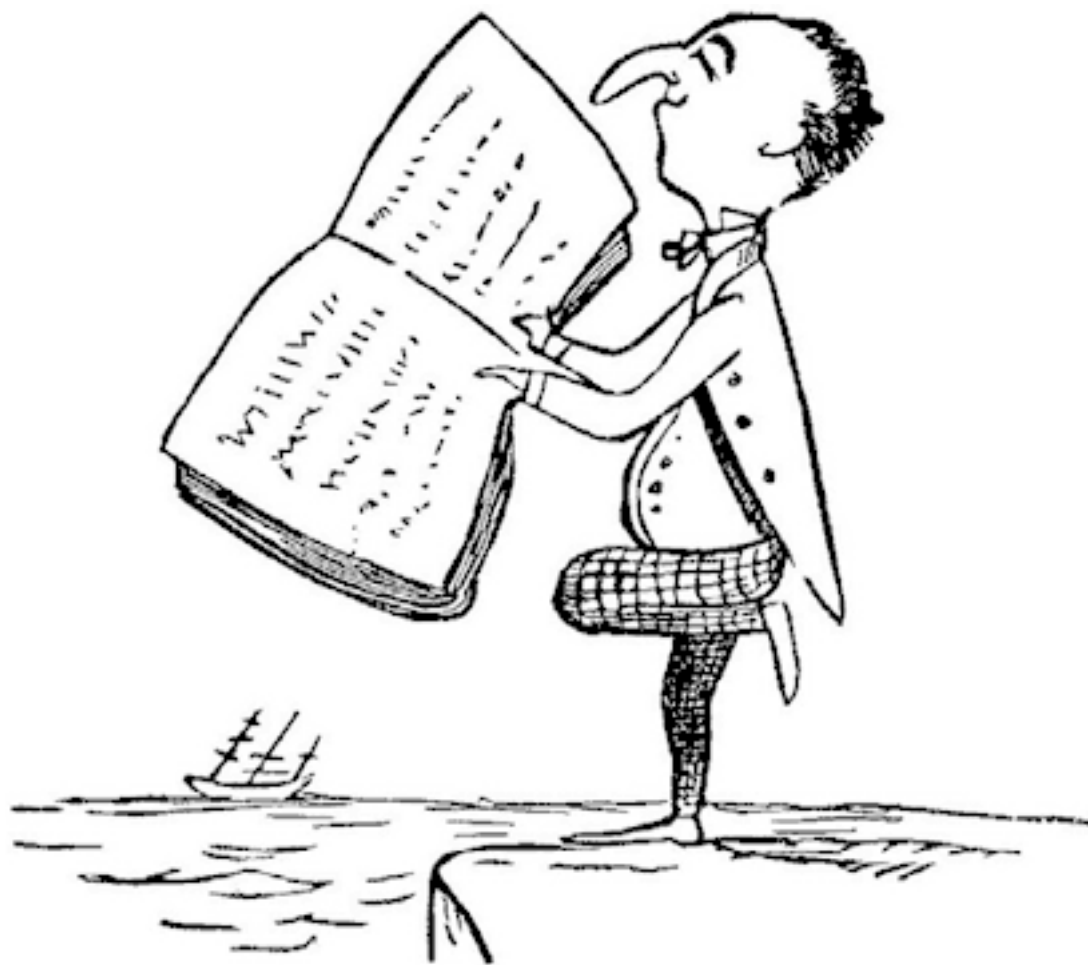
There was an Old Man of the Nile,
Who sharpened his nails with a file,
Till he cut off his thumbs,
And said calmly, 'This comes
Of sharpening one's nails with a file!

Был старик там, где плещется Нил,
Он напильником ногти пилил,
А как стал восьмипал,
Хладнокровно сказал:
«Зря напильником ногти пилил!»

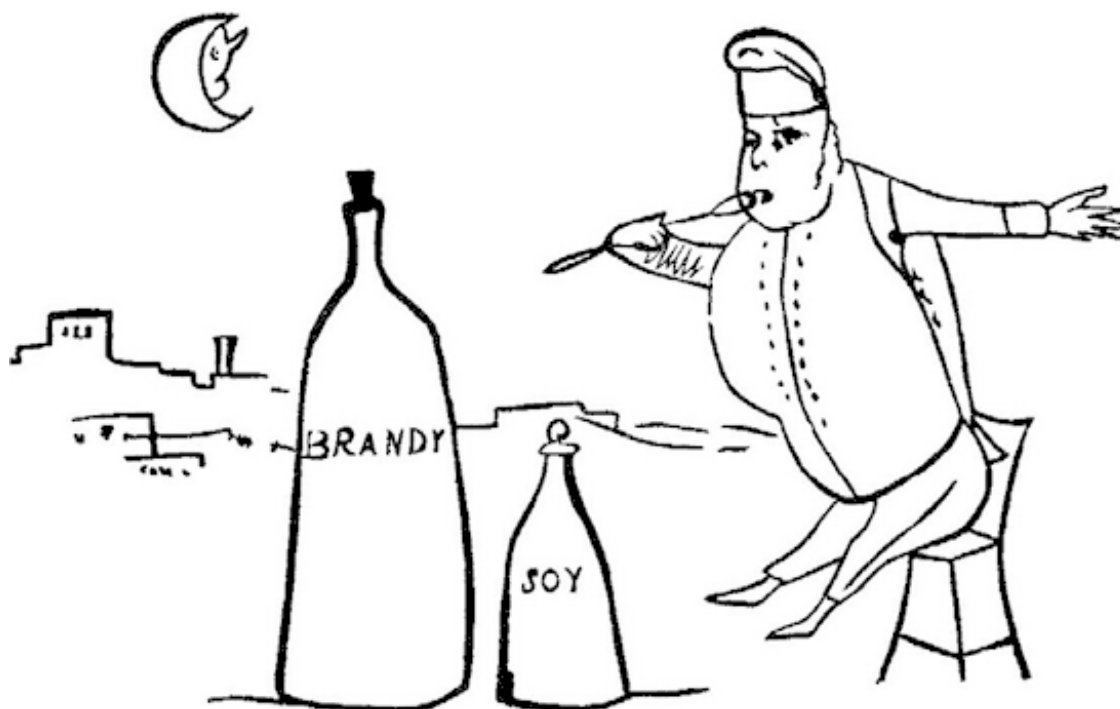
There was an Old Person of Rheims,
Who was troubled with horrible dreams;
So, to keep him awake,
They fed him on cake,
Which amused that Old Person of Rheims.

Впечатлительный старец из Реймса
Видел в снах лишь кошмары да зверства;
Чтоб взбодрить и развлечь,
Кексы начали печь,
Стали потчевать старца из Реймса.

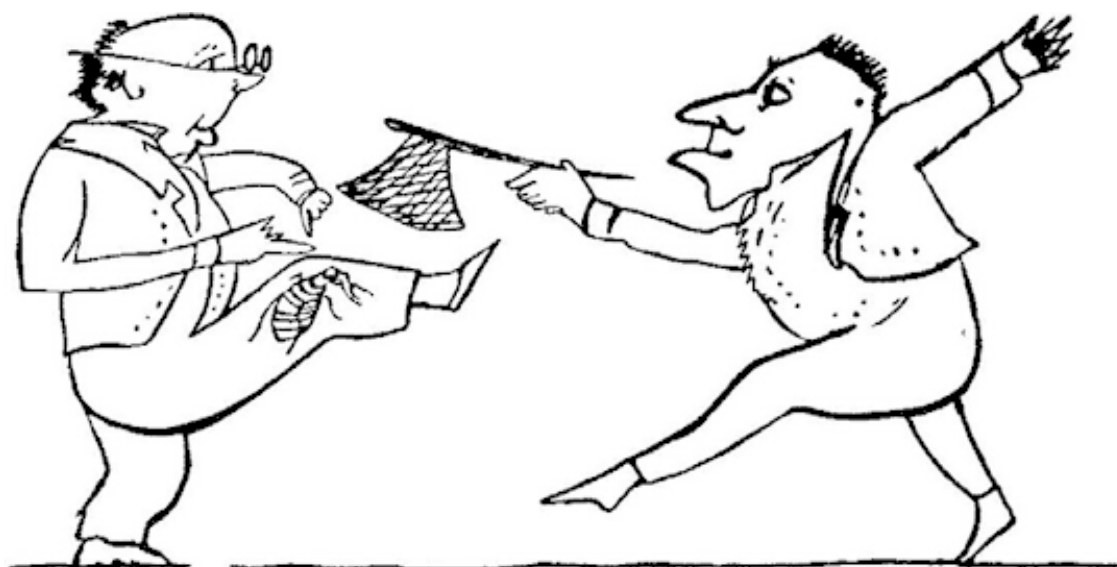
There was an Old Person of Cromer,
Who stood on one leg to read Homer;
When he found he grew stiff,
He jumped over the cliff,
Which concluded that Person of Cromer.

Был один старичок из Кромера,
В позе цапли читавший Гомера;
Но когда он затёк
От макушки до ног,
Прыгнул в море старик из Кромера.

There was an Old Person of Troy,
Whose drink was warm brandy and soy,
Which he took with a spoon,
By the light of the moon,
In sight of the city of Troy.

Некий старец из города Трои
Тёплый бренди и соус из сои
Лил в столовую ложку
И вкушал понемножку
При луне на окраине Трои.

There was an Old Man of the Dee,
Who was sadly annoyed by a flea;
When he said, 'I will scratch it,
They gave him a hatchet,
Which grieved that Old Man of the Dee.

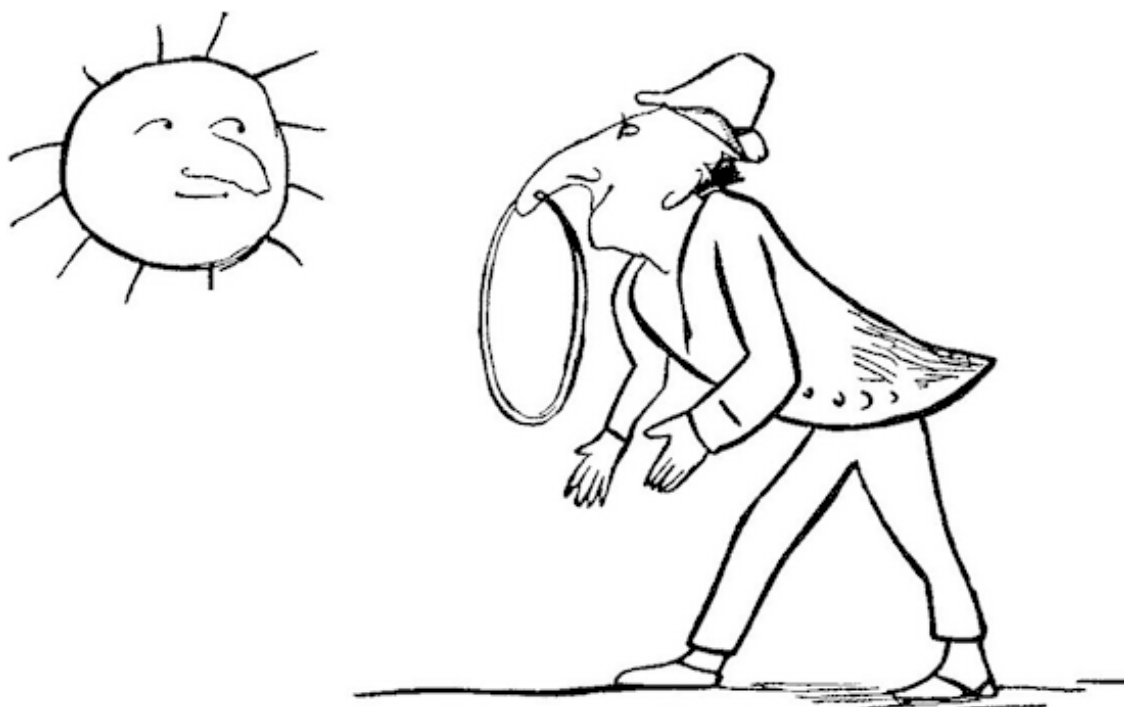
Был старик из окрестностей Ди
Донимаем блохою, поди;
Он сказал: «Дам отпор!»
Протянули топор,
Горько старцу в окрестностях Ди.

There was an Old Man of Dundee,
Who frequented the top of a tree;
When disturbed by the crows,
He abruptly arose,
And exclaimed, 'I'll return to Dundee.

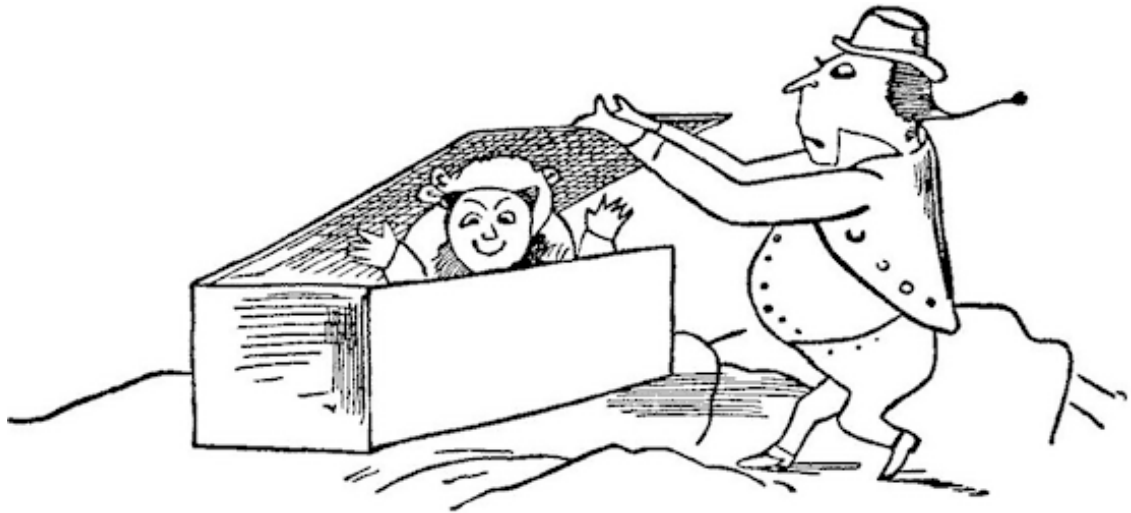
Примостился старик из Данди
На тенистых ветвях, ты гляди;
Загалдели вороны,
И с насиженной кроны

Закричал он: «Скорее в Данди!»

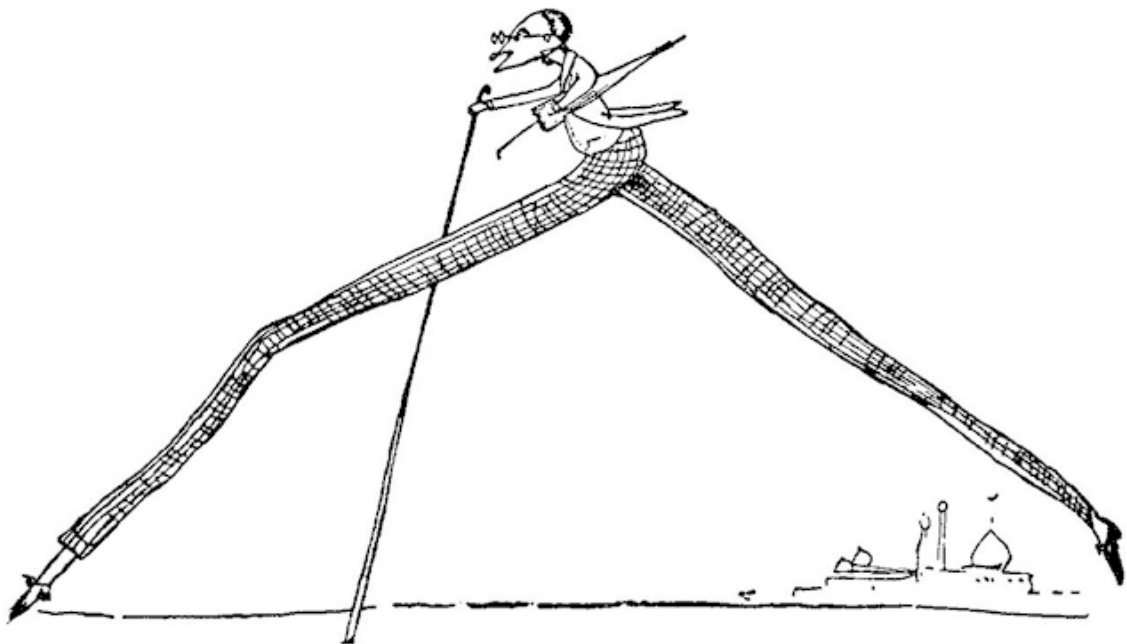
There was an Old Person of Tring,
Who embellished his nose with a ring;
He gazed at the moon
Every evening in June,
That ecstatic Old Person in Tring.

Жил-был старец из города Тринг,
В нос просунул кольцо сей старинг;
И порою ночной
Любоваться луной
Экстатический бегал старинг.

There was an Old Man on some rocks,
Who shut his wife up in a box;
When she said, 'Let me out!
He exclaimed, 'Without doubt,
You will pass all your life in that box.

Жил на скалах старик вдалеке,
Он супругу закрыл в сундуке;
А на все её пени
Отвечал: «Без сомнений,
Ты всю жизнь просидишь в сундуке».

There was an Old Man of Coblenz,

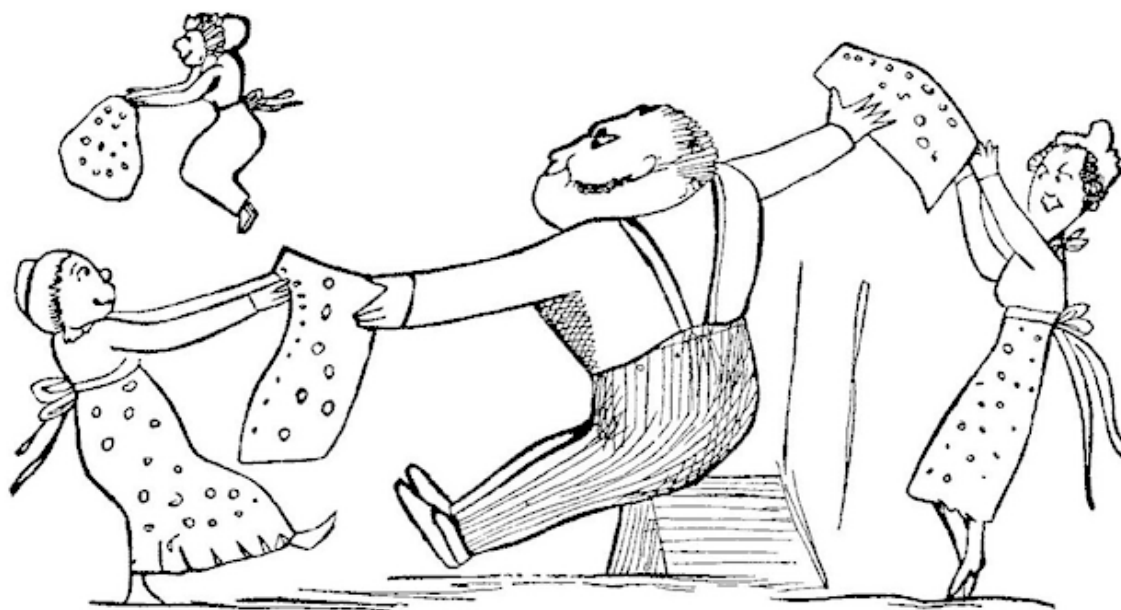
The length of whose legs was immense;
He went with one prance
From Turkey to France,
That surprising Old Man of Coblenz.

Долгоногий старик из Кобленца
Был горазд на такие коленца:
Прыгнет раз и, глядишь,
Из Стамбула в Париж
Угодил попрыгун из Кобленца.

There was an Old Man of Calcutta,
Who perpetually ate bread and butter;
Till a great bit of muffin,
On which he was stuffing,
Choked that horrid Old Man of Calcutta.

Бутерброды старик из Калькутты
Непрестанно жевал почему-тты,
И погожим деньком
Подавился куском
Тёплой сдобы едун из Калькутты.

There was an Old Man in a pew,
Whose waistcoat was spotted with blue;

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.